

Смирнов С. И. Как служили миру подвижники Древней Руси?:
(Историческая справка к полемике о монашестве) // Богословский
вестник 1903. Т. 1. № 4. С. 716–788 (3-я пагин.). (Окончание.)

КАКЪ СЛУЖИЛИ МИРУ ПОДВИЖНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ?

(Историческая справка къ полемикѣ о монашествѣ) ¹⁾.

*Буди ревкитель право живущимъ и сиехъ
житіе и дѣяніе пиши на сердцахъ своемъ.*

Изъ житія преп. Сергія.

IV.

Сужденія г. Круглова о службѣ монашества міру.—Въ общемъ они оправдываются исторіей.—Возврѣнія на монашество архимандрита Никона.—*Разборъ ихъ:* постановка вопроса и рѣшеніе его съ *принципіальной* точки зрѣнія—изъ понятія о спасеніи.—Двѣ заповѣди о любви.—Кто ближній монаха?—Оцѣнка возврѣній арх. Никона съ *исторической* точки зрѣнія.—*Взглядъ его на монашескую благотворительность*—односторонній и ошибочный.—Нищелюбіе древней Руси.—Христось въ образѣ нищаго.—Благотворительность, какъ *обязанность общесжителяго и стяжательнаго монастыря*.—*Основанія этого:* примѣръ древнихъ отцовъ монашества.—Связь благотворительности съ общежитіемъ.—Благотворительность, какъ показатель твердости монастырскаго устава и высоты монашеской жизни.—Благотворительность, какъ *самостоятельная задача православнаго монастыря* (примѣръ Юсифа Волоколамскаго).—Неудачное примѣненіе термина „подъіе“.—„Лукавый планъ адскаго хитреца“.—Идеаль подвижника въ древней Руси и въ статьяхъ арх. Никона. — Въ защиту термина „альтруизмъ“.

Теперь обращаемся къ самой полемикѣ, вызвавшей нашу справку, и возьмемъ только двухъ первыхъ и типичныхъ представителей спорящихъ сторонъ: г. Круглова и архимандрита Никона.

Г. Кругловъ призываетъ наше современное монашество на службу міру, но на такую службу, которая „не противорѣчитъ прямой задачь“, которая „не исключается молитвеннымъ

¹⁾ Окончаніе. См. Мартъ, стр. 516—580.

подвигомъ“, составляющимъ прямую задачу монашества ¹⁾. Эту службу онъ видитъ: а) въ самомъ дѣятельномъ участіи иноковъ въ дѣлѣ охраненія народнаго здравія, б) въ благотворительности нашему голодающему народу, с) въ духовномъ просвѣщеніи его посредствомъ школъ. Осуществленіе первой формы иноческой службы міру г. Кругловъ указываетъ на примѣръ великой княгини Александры Петровны—инокини Анастасіи, основательницы Покровской Общины въ Кіевѣ. Къ участію въ духовномъ просвѣщеніи наше монашество призывалъ голосъ извѣстнаго народолюбца С. А. Рачинскаго. Примѣровъ благотворительной дѣятельности современныхъ монастырей авторъ не указываетъ, напротивъ заявляетъ: „во время эпидемій и голода монастыри не проявили большой активной дѣятельности“. Перечисленныя формы служенія міру особенно посредствомъ больницъ и школъ авторъ называетъ „новымъ дѣломъ, которое въ сущности старое, монастырямъ давно извѣстное, но какбы оставленное и забытое“, „новостарымъ путемъ“, къ которому настойчиво призываетъ ихъ жизнь.

Примѣненіе указанныхъ задачъ служенія міру по мнѣнію г. Круглова должно произвести въ нашемъ современномъ монашествѣ, говоря ученымъ слогомъ, нѣкоторую дифференціацію. Меньшинство, тѣ рѣдкіе люди, которымъ доступны высшія ступени созерцательной жизни, должны быть освобождены отъ этого служенія, „хотя уходъ за больными, прибавляетъ авторъ, не мѣшалъ спасенію древнихъ подвижниковъ“,—должны быть освобождены по крайней мѣрѣ во избѣжаніе упрековъ. „Но другіе, большинство, найдутъ въ новомъ служеніи полное удовлетвореніе и этимъ избавятъ себя отъ нежелательныхъ, невольныхъ уклоненій въ отрицательную сторону“. Описавъ нравственно-воспитательное вліяніе на самихъ иноковъ и все величіе подвига ухода за больными, авторъ заключаетъ: „здѣсь служеніе міру—поистинѣ служеніе Богу“. Мы не знаемъ, о чемъ говоритъ авторъ: если о насильственномъ, административномъ раздѣ-

---

¹⁾ Статья или замѣтка г. *Круглова* „На службѣ міру—на службѣ Богу“, содержаніе которой мы передаемъ, такъ мала, что считаемъ совершенно лишнимъ указывать страницы ея. Она напечатана въ *Душеполезномъ Читаніи* 1902, октябрь (186—193 стр.).

леніи иноковъ на два разряда, то это ошибка и большая; если же о свободномъ разграниченіи ихъ на созерцателей и такъ сказать практиковъ, дѣятелей, то онъ правъ, потому что христіанское монашество всегда дѣлилось такимъ образомъ.

„Напрасно думаютъ, что такая служба противорѣчитъ уставу“... Историческія данныя успокоиваютъ автора на этотъ счетъ. Древніе русскіе монастыри служили міру, помогали родинѣ и противъ внѣшнихъ враговъ. Теперь враги у народа: голодъ, эпидемія, невѣжество или образование безъ вѣры. Монастыри не могутъ остаться глухи къ этому голосу жизни. Авторъ предвидитъ возраженіе, что школа и больница помѣшаютъ прямому дѣлу спасенія, но онъ убѣжденъ, что эти послушанія совершенно совмѣстимы съ иночествомъ, гораздо болѣе совмѣстимы, чѣмъ сидѣніе въ монастырской лавкѣ или завѣдываніе монастырскими гостинницами. Повторивъ о заслугахъ русскому міру со стороны Рачинскаго и великой княгини-инокини, авторъ пишетъ: *„отвергать ихъ, остаться глухимъ на призывъ можно только при невѣрномъ взглядѣ на отношенія къ міру иночества и обратно.*

Наша справка во многомъ оправдываетъ приведенныя сужденія г. Круглова. Подвижники древней Руси не считали служеніе міру дѣломъ, противорѣчащимъ прямой задачѣ монашества. Въ большинствѣ они не думали, что молитвенный подвигъ — прямая задача и главное занятіе инока — исключаетъ службу мірскимъ людямъ, ихъ духовнымъ и тѣлеснымъ нуждамъ. Недаромъ величайшіе подвижники древней Руси были въ тоже время самыми усердными благотворителями: достаточно вспомнить преп. Феодосія и преп. Сергія. Наши древніе подвижники строили при своихъ обителяхъ страннопріимницы, богадѣльни для калѣкъ и больныхъ, гдѣ вѣроятно ихъ и лечили какъ тогда умѣли. Въ голода, посѣщавшіе русскую землю и въ древности такъ же часто какъ теперь, не жалѣя монастырскихъ запасовъ, иногда скудныхъ, подвижники питали сотни даже тысячи народа. Поэтому г. Кругловъ совершенно справедливо называетъ благотворительное дѣло старымъ, давно извѣстнымъ, только забытымъ въ современныхъ русскихъ монастыряхъ. Онъ пишетъ не прозектъ переустройства нашихъ монастырей; онъ проситъ ихъ только откликнуться на свой призывъ. И они откликнулись...

Противникомъ г. Круглова является издатель Троицкихъ Листковъ, казначей Троицкой лавры *архимандритъ Никонъ*, напечатавшій уже нѣсколько статей по вопросу о монашествѣ ¹⁾. Вотъ пока вкратцѣ тѣ положенія, которыя проводятся въ этихъ статьяхъ. Монастырь—духовная лечебница, въ которой инокъ получаетъ исцѣленіе отъ страстей. Монахъ долженъ заботиться исключительно о своемъ личномъ спасеніи, а непременное условіе для этого — удаленіе отъ міра, уединеніе, смерть для міра, полное одиночество (мы такъ понимаемъ: полная свобода отъ обязанностей служенія міру). Пусть называютъ осуществленіе такого идеала „эгоизмомъ спасенія“—это *святой эгоизмъ* ²⁾. Для инока главнымъ дѣломъ, единымъ на потребу, остается молитва; всякое внѣшнее добродѣланіе есть только *подтѣлье* ³⁾. Единственная форма служенія міру со стороны монаха—примѣръ его жизни, личнаго подвига: спасая себя, онъ тѣмъ самымъ спасетъ и другихъ. Инокъ не можетъ служить міру даже словомъ. Правда, дѣло милосердія духовнаго — религіозно-нравственное учительство возможно монаху, возможны и другіе виды общественнаго служенія, но не какъ плодъ его свободнаго стремленія и самодѣятельности, а какъ слѣдствіе особаго Божественнаго призванія. Лишь въ этомъ случаѣ монахъ не можетъ отказываться отъ служенія обществу ⁴⁾.

Обсудимъ эти положенія сначала съ принципіальной стороны. Спѣшимъ оговориться. Направляя свои возраженія противъ изложенныхъ сужденій арх. Никона, казначея Троицкой лавры, мы не будемъ имѣть въ виду его монастыря. Дѣйствительная жизнь лавры преп. Сергія построена совсѣмъ не по идеаламъ арх. Никона и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ даже выше этихъ идеаловъ: при лаврѣ есть страннопріимницы, школы, на ея средства содержится бога-

¹⁾ „Православный идеалъ монашества“, *Душеполезное Ученіе*, (октябрь, 194—209) противъ г. Круглова, „Еще объ идеалѣ монашества“, въ отвѣтъ петербургскому иноку (январь, 1903 г. 107—120), „Дѣланіе иноческое и дѣло Божіе“, въ отвѣтъ арх. Евдокиму (февраль, 330—355), „Неожиданный союзникъ“, по поводу фельетона г. Розанова (мартъ, 543—545).

²⁾ Эти положенія развиваются въ первой статьѣ арх. Никона (октябрь 197—199).

³⁾ Октябрь, 201 и 209; Февраль, 337.

⁴⁾ Февраль, 342—343; ср. Октябрь, 207.

дѣлныя. Отнюдь не желаемъ мы касаться и самого арх. Никона какъ личности, мы имѣемъ дѣло исключительно съ его воззрѣніями, высказанными въ перечисленныхъ статьяхъ.

Что монастырь духовная лечебница или мѣсто борьбы со страстями, этого никто не отрицаетъ и отрицать не станетъ. Всякій согласится и съ тѣмъ, что первая, и, если хотите, единственная забота монаха — личное спасеніе, и съ тѣмъ наконецъ, что неизбѣжное условіе для этого — удаленіе его изъ міра. Но слѣдуетъ ли непременно понимать дѣло спасенія такъ, какъ понимаетъ его арх. Никонъ?— вотъ вопросъ, на которомъ слѣдуетъ прежде всего остановиться. Пусть читатель представитъ себѣ такой рядъ мыслей въ сужденіи о спасеніи, — по вопросу о томъ, какъ относится служеніе общественному благу къ заботѣ о спасеніи души. *Нѣтъ спасенія безъ участія въ общественномъ благѣ.* Раздроблять эти двѣ цѣли жизни значитъ или спасеніе или общественное благо понимать неправильно, не по разуму Божественнаго откровенія. Понятіе о спасеніи въ данномъ случаѣ *узко*. Самое содержаніе его составляетъ любовь къ ближнимъ (на ряду съ любовью къ Богу), а забота объ общественномъ благѣ и является требованіемъ этой любви. Истинное православное христіанство *осуждаетъ всякій эгоизмъ*; первое и необходимое условіе слѣдованія за Христомъ — „*отвергнись самого себя*“, всякой привязанности къ своему я. Поэтому спасеніе слѣдуетъ понимать, какъ начало, *исключающее* всякій эгоизмъ, въ томъ числѣ и *эгоизмъ религиозный* („святой эгоизмъ“ — по терминологіи арх. Никона) ¹⁾. Приведенныя

¹⁾ Моисей молился Господу послѣ того, какъ евреи поклонились золотому тельцу: „прости мнѣ грѣхъ ихъ; а если нѣтъ, то и меня изгладь изъ книги Твоей, въ которую Ты вписалъ“ (Исх. XXXII, 32). И Ап. Павелъ пишетъ къ Римлянамъ (IX, 3—4): „я желалъ бы самъ быть отлученнымъ отъ Христа за братьевъ моихъ, родныхъ мнѣ по плоти, т. е. израильтянъ“. Возможна ли при эгоизмѣ спасенія эта высшая степень самоотреченія, понятно ли подобное настроеніе нашимъ „святымъ эгоистамъ?“ Не думаемъ, потому что и великій пророкъ израильскій и великій апостолъ язычниковъ понимали спасеніе, какъ нѣчто заключающее въ себѣ наивысшую степень самоотверженія и потому исключющее эгоизмъ во всѣхъ его видахъ. А между тѣмъ истинные подвижники раздѣляли это настроеніе пророка и апостола. Преп. Варсавуфій Великій говорилъ своему ученику: „повѣрь мнѣ, братъ, что духъ мой усерд

мысли взяты нами изъ статьи очень извѣстнаго современнаго русскаго іерарха—богослова ¹⁾). Любознательный читатель найдетъ здѣсь мѣткую характеристику религіознаго эгоизма и религіозныхъ эгоистовъ, къ лику которыхъ причисляетъ себя и авторъ разбираемыхъ статей. Итакъ пониманіе вопроса о спасеніи арх. Никономъ *по меньшей мѣрѣ спорно*. И на своемъ спорномъ пониманіи этого основнаго вопроса, можетъ быть на пониманіи одностороннемъ и узкомъ, онъ строитъ всѣ свои воззрѣнія на монашество, на его идеалы, задачи и отношенія къ міру.

Двѣ *равно великія* заповѣди въ законѣ: любить Бога всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самого себя. Если инокамъ изъ этихъ двухъ заповѣдей по арх. Никону можно ослабить исполненіе второй (любви къ ближнему) для того, чтобы больше оставалось времени и силъ для молитвы Богу, т. е. для исполненія первой, то простая справедливость требуетъ того, чтобы для мірянъ, которымъ не послабляется исполненіе заповѣди о любви къ ближнему, было какъ можно болѣе ослаблено исполненіе другой молитвы къ Богу—выраженія любви къ Нему. Инокъ будетъ тогда молиться, не заботясь о милосердіи къ бѣднымъ, мірянинъ помогать ближнимъ, не заботясь о молитвѣ. Такъ бы по простой справедливости и естественной послѣдовательности долженъ былъ разсуждать арх. Никонъ. Того же требовало бы и уваженіе его къ иноческому званію. Вѣдь въ противномъ случаѣ мірянинъ, исполняя обѣ заповѣди, будетъ святѣ монаха и мірское состояніе выше монашескаго, о чемъ, думаемъ, и слышать не захочетъ почтенный о. архимандритъ, торжественно называющій монашество, забывая объ іерархіи, „передовымъ отрядомъ Христовой воинствующей церкви“. Но подобное

стуетъ сказать моему Владыкѣ. Который радуется о прошеніи рабовъ Своихъ: Владыко, или вмѣстѣ со мною введи чадъ моихъ (духовныхъ дѣтей, учениковъ) въ Царство Свое, или изгладь и меня изъ книги Твоей. Но немощь моя и нерадѣвіе препятствуютъ мнѣ имѣть такое дерзновеніе; впрочемъ, милосердіе Его велико“. *Преп. Варсануфія Вел. и Иоанна*. Руководство къ духовной жизни, отвѣтъ 110, по изд. М. 1892 г. стр. 77—78.

¹⁾ *Епископъ Антоній* (Вольняскій). Полное собраніе сочиненій. III „*Какъ относится служеніе общественному благу къ заботѣ о спасеніи своей собственной души?*“ стр. 342 и слѣд.

раздѣленіе труда въ дѣлѣ спасенія было бы совершенно неумѣстно. Всѣмъ христіанамъ сказано апостоломъ: *непрестанно молитесь* (Фессал. V, 17), безъ изъятія для мірянъ. Ко всѣмъ, въ томъ числѣ и къ инокамъ, относятся слова другого апостола: „*чистое и непорочное благочестіе предъ Богомъ и Отцемъ есть то, чтобы призирать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорбяхъ и хранить себя неоскверненными отъ міра... Если братъ или сестра наги и не имѣютъ дневного пропитанія, а кто-нибудь изъ васъ скажетъ имъ: идите съ миромъ, грѣйтесь и питайтесь, но не дастъ имъ потребнаго для тѣла: что пользы? такъ и въра, если не имѣетъ дѣлъ, мертва сама по себѣ* (Іакова, I, 27; II, 15—17) ¹⁾. И самая мысль о томъ, что можно отдѣльно исполнять эти заповѣди, совершенно невѣрна. По ученію апостола любви весь законъ христіанской жизни заключается „въ любви къ ближнему и въ любви къ Богу черезъ любовь къ ближнему“ ²⁾.

Вопросъ теперь въ томъ, кто ближній монаха, старый вопросъ законника: „*и кто есть ближній мой*“? По притчѣ Христовой ближній для іудея презрѣнный самарянинъ. И мы полагаемъ, ни одинъ инокъ, даже самый святой эгоистъ, не скажетъ такой нелѣпости, будто ближній для монаха только монахъ, что мірянинъ для инока существо болѣе презрѣнное, чѣмъ самарянинъ для іудея, что монастырская ограда служить той границей, до которой только доходить и за которой уже кончается святое служеніе инока ближнему. Однако можетъ быть онъ заявить, что монаху въ большей степени ближній монахъ, чѣмъ мірянинъ. Но и это неосновательно: для такого дѣленія ближнихъ на два разряда нѣтъ основанія ни въ Св. Писаніи, ни въ примѣрахъ

¹⁾ Обходя это ясное мѣсто изъ Апостола наши провозвѣстники православнаго монашескаго идеала часто ссылаются на Іоан. XII, 8: „Ибо нищихъ всегда имѣте съ собою, а Меня не всегда“. Но слова Господа относились только къ Его ученикамъ и только къ моменту прощанія Его съ ними. Относитъ ихъ къ монашеству и на всѣ времена, значитъ допускать произвольный аллегоризмъ въ толкованіи. Другое мѣсто Евангелія: „Марѳа, Марѳа! ты заботишься и суетишься“ и т. д. въ нашемъ вопросѣ совсѣмъ не идетъ къ дѣлу, развѣ только тоже въ аллегорическомъ смыслѣ.

²⁾ *Прот. П. Я. Сеттловъ*, Идея царства Божія. Б. В. настоящ. книжки, стр. 628.

древнерусскихъ подвижниковъ. Преп. Сергіѣ *всѣхъ равно любилъ и всѣмъ равно творилъ добро*; преп. Евфросинъ *всѣхъ равно упокоивалъ, какъ посланныхъ отъ Бога*. Значитъ монашеское званіе совершенно совмѣстимо съ служеніемъ мірскимъ ближнимъ. Что же касается превозношенія монаховъ надъ мірянами, то оно строго осуждалось лучшими иноками древней Руси. „Тѣмъ же, о возлюбленніи, говоритъ одно наставленіе монахамъ, да будите вси обѣтъ свой храняще,—въ терпѣннѣи и въ послушаннѣи, не манатѣя (мантіи) кажуще и глаголюще: „*се иноци есмь, имѣю образъ ангельскій, поклоняйтесь намъ!*“ Образъ бо вы не спасете, аще дѣлы ангельски не украситесь“. „*Облекосте бо ся въ манатіа смиренія и въ куколь беззлобія, паче стяжите любовь, яже есть союзъ совершенія*“¹⁾...

Перейдемъ къ оцѣнкѣ возрѣннѣи арх. Никона съ точки зрѣннѣи исторіи.

Изъ нашего историческаго очерка читатель видѣлъ, что монашескіе идеалы древней Руси до пол. XV в. отличались большимъ однообразіемъ. До этого времени русское монашество было въ общемъ дѣятельнымъ, практическимъ. Только въ XV стол. оно рѣзко дѣлится сначала на два направленія, потомъ на двѣ партіи. Яркими выразителями туземнаго монашества являются іосифляне, которые еще болѣе развили практическій идеаль древнѣйшихъ русскихъ подвижниковъ. Другая партія—заволжская развила свои возрѣннѣи подъ сильнымъ вліяніемъ Аѳона. Бѣлоозерскіе старцы выступаютъ рѣшительными противниками дѣятельнаго идеала и проповѣдниками монашества строго созерцательнаго. Церковное большинство было однако не на сторонѣ заволжскихъ созерцателей. Новому направленію не суждено было не только одержать побѣды надъ противниками, но и отстоять право на собственное существованіе. Но все же созерцательное направленіе существовало въ древней Руси и имѣло на своей сторонѣ авторитетныхъ представителей.

Въ разбираемыхъ статьяхъ арх. Никонъ достаточно подробно и ясно изложилъ свои монашескіе идеалы, возрѣннѣи на задачи монашества и на служеніе его міру. Вотъ мы и посмотримъ теперь, имѣютъ ли его идеалы и возрѣннѣи

¹⁾ *Инокескія поуцескія*, Матеріалы для исторіи р. церкви. I, 124 и 144.

нiя оправданiе въ исторiи русскаго монашества той или другой партiи. Сначала сравнимъ ихъ съ завѣтами и практикой того кореннаго направленiя, которое проходитъ чрезъ всю исторiю русскаго монашества, начиная съ XI в., а потомъ сопоставимъ ихъ съ идеалами бѣлоозерскихъ старцевъ.

Прежде всего обсудимъ *взглядъ арх. Никона на благотворительность вообще*. Разсуждаетъ онъ такъ. Цѣль монашеской жизни чужда всякихъ утилитарныхъ элементовъ. Покаянiе, плачь о грѣхахъ и возможно продолжительная богослужебная и келейная молитва—вотъ его прямая задача. Для ея осуществленiя монаху нужна свобода отъ заботъ и полное одиночество. Это идеаль, это монашеское дѣло. Однако удержаться на высотѣ этого идеала невозможно для смертнаго. У монаха есть физическiя потребности, для удовлетворенiя которыхъ онъ долженъ отрывать часть времени у молитвы. Ему нужно обѣдать, топить печь, выметать соръ изъ кельи, чинить свое платье. Это монашеское „подѣлье“. Разумѣется, чѣмъ меньше подѣлье вредить дѣлу, тѣмъ лучше. Благотворительность въ какой бы то ни было формѣ, есть тоже не дѣло, а подѣлье монаха. Отсюда „всякое внѣшнее добродѣланiе есть только цвѣтъ; плодъ же есть внутреннее духовное дѣланiе молитвы Иисусовой... Вотъ почему всякое внѣшнее дѣло для монаха есть только подѣлье, а главное дѣланiе есть молитва. Вотъ въ чемъ суть монашескаго дѣланiя въ отличiе отъ простой мiрской добродѣтели ¹⁾).

Этотъ принципиальный взглядъ арх. Никона на дѣло благотворительности иноковъ на основанiи исторической справки своей мы считаемъ одностороннимъ и ошибочнымъ.

Нищелюбива была древняя Русь. Не могла она говорить такъ пренебрежительно о дѣлахъ христанскаго милосердiя. Она воспиталась на творенiяхъ Златоуста, этого вселенскаго проповѣдника милосердiя, словами котораго „о милостыни“ (или словами съ его именемъ) наполнены наши древнiе сборники. „Милостыня—царица добродѣтелей“ по Златоусту; „Богъ не такъ скоро услышитъ праведныхъ, какъ бѣдныхъ“, говоритъ проповѣдникъ милосердiя. На Руси усвоили и повторили эту проповѣдь. „Милостыни бо есть всего луче и

¹⁾ Октябрь, 209.

вышше, възводящи до самого небеси предъ Богомъ“, говоритъ древнѣйшій лѣтописецъ ¹⁾. Она есть лучшее выраженіе той любви, которой люди живы, которая спасетъ міръ. „Спаситесь богатіи милостынею, говоритъ древнерусскій проповѣдникъ, спаситесь убозіи терпѣніемъ, спасися весь міръ любовію“ ²⁾. Нищаго у насъ почитали. Грѣхомъ считалось отказать ему въ подаяніи: „грѣхъ есть не давши нищему, а имѣюще что дати: епитиміи 15 даій, поклонъ 100 на день“,— такъ читается въ древнемъ епитимейникѣ. Предписывалась трогательная заботливость и предупредительность къ бѣдному человѣку. „Согрѣшихъ отче (каялись въ древней Руси), нищему не далъ воды пить, или отъ собаки не проводилъ“ ³⁾.

Нѣкоторое объясненіе такой заботливости слѣдуетъ искать въ томъ вѣрованіи, что въ образѣ нищаго по грѣшной землѣ ходитъ Самъ Христось, что нищая братія — братія Христова. Андрей Боголюбскій подавалъ безъ отказа каждому нищему чего бы тотъ ни попросилъ и объяснялъ при этомъ: „ѣда се есть Христось (можетъ быть это Христось) пришедъ испытать мене“ ⁴⁾. Кіевскій митр. Іоаннъ IV получалъ Новгородскаго владыку Ілію при поставленіи: „чадо, прилѣжи милостыни; зри Христа у нищаго въ рубѣхъ (въ лохмотьяхъ) сѣдяща и къ тебѣ руку простирающа“ ⁵⁾. И подвижники, эти лучшіе люди древней Руси, раздѣляли сами и проповѣдывали другимъ описанныя воззрѣнія. Оно слышится въ предсмертныхъ словахъ преп. Никона Радонежскаго, ясно выражено въ приведенныхъ статьяхъ устава преп. Евфросина Псковскаго. И тѣ и другія наглядно показываютъ, насколько жива была вѣра, что въ образѣ нищихъ къ вратамъ нашихъ обитателей являются неземные гости. Ходитъ въ образѣ нищаго по обителямъ святой Руси Христось, но не вездѣ радушно и ласково принимаютъ Небеснаго Странника. Въ одномъ патерикѣ содержится интересное слово о „нѣкоемъ игумени“. Этотъ игумень общежи-

¹⁾ *Ипат. лѣт.*, 91.

²⁾ *Н. Б. Никольскій*, О литературныхъ трудахъ митр. Климента Смолячича, 221.

³⁾ *А. Алмазовъ*, Тайная исповѣдь, III, 281, 199.

⁴⁾ *Ипат. лѣт.*, 397.

⁵⁾ *Журн. Мив. Нар. Пр.*, ч. 271, стр. 297.

тельнаго монастыря сначала былъ нищелюбивъ, но потомъ, когда вошелъ въ славу, началъ дружить съ боярами и богачами, „а сироть небреже“. Въ монастырь къ нему пришелъ Самъ Христосъ въ образѣ убогаго сироты черноризца и просилъ привратника передать игумену, что пришелъ Онъ къ нему со многими трудомъ, издалека. Привратникъ засталъ настоятеля за бесѣдой съ богатыми, доложилъ ему о приходѣ странника, не зная и не сказавъ, что это Самъ Христосъ. Тотъ накричалъ на привратника, прервавшаго игуменскую бесѣду съ честными мужами, выбранилъ и за то, что пустилъ къ монастырю нищаго, и отсылая сказалъ привратнику, чтобы онъ не обращалъ на Пришельца никакого вниманія. Долготерпѣливый Господь пребывалъ внѣ монастыря ожидая. Но вотъ ѣдетъ въ монастырь городской богачъ; игумень спѣшно бѣжитъ навстрѣчу къ монастырскимъ воротамъ. И Господь подошелъ къ нему и сказалъ съ мольбой: „отче, у меня есть къ тебѣ слово“. Зазнавшійся монахъ только посмотрѣлъ и, ничего не отвѣтивъ Господу, пошелъ съ своими гостями обѣдать. Когда кончился обѣдъ, игумень опять подходилъ къ воротамъ уже провожать своихъ гостей, снова Господь пытался говорить съ нимъ и снова не былъ выслушанъ. До самого захода солнца игумень не имѣлъ досуга принять Странника. Уходя отъ монастырскихъ воротъ, Господь говоритъ игумену черезъ привратника: „ты ищешь человѣческой славы! Ради прежней добродѣтельной жизни твоей я пришелъ дать благословеніе тебѣ, но ты не захотѣлъ. И вотъ нынѣ со всѣхъ четырехъ краевъ земли пошлю къ тебѣ богатыхъ: вѣдь ты ищешь славы и чести отъ людей! Но ради богатыхъ ты лишенъ будешь Моего царства и чуждъ общенія святыхъ“. „Такъ познася вседержитель Господь, во образѣ нищаго пришедшій, и взыдетъ на небо“ ¹⁾. Похоже ли, читатель, это трогательное мистическое уваженіе древней Руси къ братіи Христовой: ея писателей, какъ авторъ изложенной повѣсти, и подвижниковъ, какъ перечисленные выше, похоже ли оно на то отношеніе, въ которое ставитъ инока къ нищей братіи арх. Никонъ? Совсѣмъ не похоже. Онъ неоднократно повторяетъ слова

¹⁾ Протоколы Харьк. Унив. 1867 г. № 7. стр. 636 — 637. Отчетъ П. Лукьянова.

Господа: „нищихъ всегда имѣете съ собою“ ¹⁾ и сколько не евангельскихъ чувствъ влагаеть въ эти евангельскія слова!..

Законодатели русскаго монашества считали *благодѣлительность обязанностью монаха нисколько не меньшей, чѣмъ молитва*. Арх. Никонъ судить по другому, возвышая молитву и унижая предъ ней благодѣлительность. „Единое на потребу для инока остается молитва“, говоритъ онъ. Но безспорно, что и древніе подвижники наши не отставали въ молитвѣ отъ теперешнихъ и молились „за весь міръ безпрестани“. Въ любомъ житіи вы встрѣтите, что такой то святой непрестанно умъ свой имѣлъ къ Господу и сердце пригвождалъ въ молитвахъ день и ночь, никогда не измѣнялъ правилу молитвенному, не отлучался чина церковнаго и келейнаго правила, что въ молитвѣ проводилъ онъ свои ночи, мало сна вкушая, или сонъ бдѣніемъ изгоняя, не лежа на ребрахъ,— что ноги его были „яко столпіе“. Но сказать, что молитва пренеподобныхъ исключала (или даже ограничивала) для нихъ дѣла челоуѣколюбія въ отношеніи къ нуждающимся мірянамъ, чтобы одна молитва вмѣстѣ съ вспомогательными аскетическими подвигами считалась ими достаточной или почти достаточной для спасенія, сказать такъ значило бы совершенно забыть ихъ житія. Напротивъ они подвизались по житійному выраженію, „*смѣшая постъ съ милостынею*“, т. е. соединяя подвиги личнаго аскетизма съ дѣлами служенія ближнему. *И милостыня занимала здѣсь отнюдь не второстепенное, служебное положеніе: она равна молитвѣ.* „Сотвори умъ твой (слова Діонисія Глушицкаго) со всѣмъ тщаніемъ единаго Бога искати и прилежати въ молитвѣ. *И паче подвигнемся помогать нищимъ и сиротамъ и вдовицамъ*“. Тотъ же подвижникъ поучалъ братію, что на страшномъ судѣ всѣхъ насъ Господь будетъ судить по дѣламъ челоуѣколюбія. Корнилію Комельскому открыто въ видѣніи, что тѣ колачи и хлѣбы, которые онъ роздалъ нищимъ, послужать къ его наградѣ за гробомъ. Преп. Зосима говорилъ въ предсмертномъ поученіи соловецкой братіи: „*и милостыни съ тщаніемъ прилежите, безъ нея же никто же узритъ Господа*“ ²⁾. Черноризцы, „*труждающиеся странныхъ ради и болящихъ*

1) Февраль, 338—339.

2) *Житіе преп. Зосимы*. Ркп. Вол. Б.—ки № 659, л. 266 об.

упокоенія, заявлялъ Іосифъ Волоколамскій, *не токмо не осуждаются, но паче сея самыя ради вины велию мзду съ постничествомъ своимъ воспримутъ*“. Но еще выразительнѣе нравственную цѣнность милостыни для инока защищаетъ преп. Ѳеодосій Печерскій въ приведенномъ выше поученіи. Монаховъ, хотѣвшихъ спастись только подвигами аскетизма—постами, бдѣніемъ и молитвой, и роптавшихъ на нищелюбиваго игумена, онъ сравниваетъ съ неразумными дѣвами Христовой притчи, которыя остались внѣ брачнаго чертога потому, что въ свѣтильникахъ ихъ душъ не нашлось масла, т. е. милостыни. Сравниваетъ далѣе съ израильтянами, роптавшими на Моисея въ пустыни. „Да не уподобимся онѣмъ роптивымъ, иже чрева ради падоша въ пустыни, ни помышляемъ бѣсовскихъ помышлений, иже всѣвають въ сердца наша неподобная“. Такъ порицалъ преп. Ѳеодосій печерскихъ ропотниковъ, древнѣйшихъ русскихъ проповѣдниковъ „святого эгоизма“. Сильно опасаемся, не обидѣли бы кого и теперь эти суровыя рѣчи никогда не гнѣвавшагося подвижника, отца русскаго монашества.

Признавая христіанскую благотворительность столь же необходимой для спасенія инока, какъ и молитву, древнерусскіе подвижники узаконяли ее *для монастыря въ цѣломъ*. Преп. Ѳеодосій Печерскій тратилъ на содержаніе двора для пріема нищихъ и больныхъ десятину монастырскихъ доходовъ. Преп. Сергій, организуя общежитіе въ Радонежской обители, вводитъ въ ней, какъ необходимую составную принадлежность новаго строя, благотворительность въ трехъ главныхъ видахъ—страннолюбія, нищелюбія и ухода за больными; отправленіе этихъ обязанностей возлагаетъ на служебныхъ чиновъ монастыря и даетъ свое предписаніе имъ въ видѣ непререкаемой заповѣди. Подобнымъ образомъ поступаетъ Евфросинъ Псковскій, который благотворилъ самъ „и братіи своей заповѣда ничтоже звати своимъ, но все монастырскимъ, подобая гласу Спасову: „*милостивыхъ долги не оскудѣютъ*“, т. е. очевидно ставя благотворительность въ неразрывную связь съ общежительнымъ уставомъ, требующимъ, чтобы у монаховъ все было общее и чтобы монастырскіе излишки шли бѣднымъ. А Корнилій Комельскій такую милостыню признаетъ единственно возможной въ устроенномъ общежительномъ монастырѣ („милостыня въ монасты-

рехъ и нищелюбство обща суть“) и запрещаетъ иноку подавать милостыню лично, хотя бы и изъ монастырскихъ средствъ, опасаясь того, чтобы частная милостыня не послужила предлогомъ для развитія частной собственности среди монаховъ, не содѣйствовала нарушенію общежительнаго устава. Средства для благотворительности монастырь получаетъ изъ двухъ источниковъ: изъ приносовъ отъ мірянъ и отъ трудовъ братіи. Подвижники предписывали инокамъ даже трудиться съ этою цѣлью: дабы о нищихъ любовь показать (Павель Обнорскій), „тружаться странныхъ ради и болящихъ упокоенія“ (Иосифъ Волоколамскій), „да не токмо сами свой хлѣбъ ядятъ, но да и немущихъ питаютъ“ (Корнилій Комельскій). Отходя изъ этого міра, подвижники повторяли братіи то, чему примѣромъ и словомъ учили ее при жизни—не забывать страннолюбія, прилежать милостыни. И замѣчательно: рядомъ съ этими наставленіями подвижники предписываютъ и неопустительное соблюденіе молитвеннаго устава. „Трапезы отъ любостранна не затворите, о милостынѣ попецѣтесь, просяща потребная тща не отпустите. Соборныя молитвы не отлучайтесь никакою нужею“... Такъ завѣщевалъ о монастырскомъ строеніи преп. Пафнутіи, разсуждая, что монастырь можетъ соединить и щедрую благотворительность и неопустительную церковную молитву. Можно ли послѣ того утверждать, что благотворительность отвлечетъ инока отъ молитвы?

Вводя благотворительность въ кругъ обязанностей монастыря, подвижники древней Руси *опирались на примѣры восточныхъ законодателей христіанскаго монашества*, старались слѣдовать имъ. Евфросинъ Псковскій, предписывая страннолюбіе и милостыню своей обители, по словамъ жизнеописателя поступалъ, ревнуя Θεодосію Киновіарху и Евѣмію Великому и „подражая житію ихъ во всемъ“. Преп. Сергія въ его благотворительныхъ заботахъ также одушевляли житія отцовъ христіанскаго монашества, какъ отшельника Антонія, такъ и общежителей: Пахомія, Евѣмія, Саввы и Θεодосія. Не знаемъ, какъ думаетъ арх. Никонъ, а мы увѣрены, что названные подвижники нисколько не обманывались, когда, предписывая своимъ обителямъ благотворительность какъ обязательное дѣло, хотѣли строго слѣдовать завѣтамъ древняго восточнаго монашества.

Имѣя для своихъ благотворительныхъ плановъ твердую точку опоры въ прошедшемъ, они искали ее и въ будущемъ. Слѣдуетъ здѣсь припомнить, что *древнерусскіе монастыри* (исключая заволжскихъ скитовъ) *были стяжательными*, хотя это выходило нерѣдко и вопреки желаніямъ ихъ святыхъ основателей. И вотъ заповѣдь о благотворительности они сопровождали обычно предостережительнымъ обѣщаніемъ: „аще сію мою заповѣдь сохраните безъ роптанія... обитель моя зѣло распространится и въ многи лѣта неразрушима постоитъ“ (преп. Сергій); „а нищихъ пойте и кормите довольно и милостыню дайте, да не оскудѣетъ мѣсто сіе святое“ (преп. Антоній Сійскій † 1556 г.). Приведенныя слова подвижниковъ имѣютъ важное значеніе и глубокой смыслъ.

Арх. Никонъ видитъ въ организованной благотворительности монастыря нѣкоторый внѣшній придатокъ къ монастырскому строю и порядку, какъ бы пристройку, которую только терпятъ, хотя бы она и портила общій видъ зданія. Древніе же подвижники не прилагали ее къ монастырской организаціи въ качествѣ чего-либо сверхдолжнаго или между-дѣльнаго, они считали ее неразрывной частью монастырскаго строя, однимъ изъ краеугольныхъ камней, которымъ держится порядокъ въ обители и сохраняется общежительный уставъ и именно потому они связывали судьбу своихъ обителей съ исполненіемъ своей заповѣди о благотворительности. И воззрѣніе ихъ совершенно правильно. Прежде всего: путемъ милостыни нуждающимся мірянамъ монастырь возвращалъ міру то или часть того, что приносили ему тоже въ видѣ милостыни христіанцы міряне, болѣе состоятельные. Это несомнѣнно поднимало нравственное значеніе древнерусскаго монастыря какъ благотворителя, пособника бѣднымъ, и содѣйствовало между прочимъ самому накопленію его богатствъ, процвѣтанію его. Далѣе. Благотворя монастырь только отдавалъ свой долгъ предъ міромъ, исполняя элементарную обязанность благодарности. „Накормите кормящихъ вы, говорилъ однажды преп. Сергій братіи, напитайте питающихъ вы и учредите и почитите, достойни бо суть учрежденія и почтенія“ ¹⁾. Неужели современный рус-

¹⁾ *Житіе*, 88.

скій монастырь, не отказывающійся отъ мірскихъ приношеній, откажется кормить кормящихъ его? Это несомнѣнно уронить и давно роняетъ его нравственное значеніе, содѣйствуетъ тому и духовному и матеріальному обѣдненію и захирѣнію, которому подверглись многія древнія обители, забывшія предостережительныя обѣщанія своихъ преподобныхъ основателей. Наконецъ: излишки, остающіеся въ монастыряхъ и не употребляемые по тому единственно законному назначенію—на благотворительность, скопляются здѣсь въ видѣ богатства. Но богатство безусловно вредно для монастыря, потому что представляетъ прямое нарушеніе общежительнаго устава со стороны цѣлаго монастыря (ибо раздавать излишки нищимъ и запрещеніе скоплять богатство—прямое требованіе устава) и влечетъ обычно за собой обогащеніе монастырскихъ властей, появленіе частной собственности, т. е. содѣйствуетъ дѣленію братіи по имущественному состоянію, разрушенію общежитія и развитію всякихъ пороковъ ¹⁾. А арх. Никонъ и боится того, что ради благотворительности современные монастыри наши забудутъ свой уставъ, разрушатъ строй!

Исторія древнихъ монастырей нашихъ приводитъ къ тому заключенію, что *степень благотворительности въ той или иной обители есть точный показатель степени твердости въ ней общежительнаго устава*, что съ другой стороны забвеніе или небреженіе ея есть вѣрный признакъ ослабленія или паденія общеобязательнаго киновіотскаго устава и забвенія частной заповѣди святого основателя монастыря. Съ двухъ сторонъ подтверждается отмѣченная зависимость обоихъ явленій—соблюденія общежительнаго устава и сильной благотворительности. Съ положительной мы это уже видѣли на примѣрахъ древнихъ подвижниковъ, при которыхъ благотворительная дѣятельность обителей была самая широкая и уставъ строго соблюдался. Съ отрицательной стороны сейчасъ увидимъ. Беремъ яркій историческій примѣръ—

¹⁾ Мѣтко выразилъ эту послѣднюю опасность Иванъ Грозный въ своемъ посланіи къ св. Гурію Казанскому. „Еже не добро монастыри богатѣти чрѣзъ потребу и велики отчины давати, они бо симъ болѣе пустуютъ, пьянствуютъ и лѣняются, а праздность на всяко зло влечетъ; а коли убоги, то болѣ трудятся, како бы достати хлѣбъ и одежду, а другое въ голову ему не пойдетъ“. Исторія рос. іерархіи. VI, 530.

рядъ чудесъ преп. Варлаама Хутынскаго, записанныхъ въ XVI в. и достаточно характеризующихъ жизнь его монастыря въ то время. Заповѣдь, полученная отъ основателя Хутынской обители, стоящей на берегу прежде оживленнаго Волхова, была слѣдующая: „странныхъ съ пути покоити, поити и кормити, прѣзжихъ на конѣхъ покоити всякимъ покоемъ и милостыни нищимъ творить“. Преподобный предписывалъ: „страннолюбія не забывать, то благодатію Христовою обитель моя и по смерти не оскудѣетъ“. Таковъ былъ и монастырскій обычай. Въ день кончины подвижника—6-го ноября нищимъ раздавалась милостыня хлѣбомъ и деньгами. Хутынская обитель отворяла для народа свои полныя житницы въ случаяхъ голодовъ, часто посѣщавшихъ землю вольнаго города ¹⁾. Но въ XVI в. общежитіе на Хутыни было въ разстройствѣ. „Бяху братія отъ боярскаго рода люди сильные. Иные братія соборные изъ давнихъ лѣтъ обогатѣли отъ лихоиманія собранія монастырскаго. И бяху ядуще и піюще безъ воздержанія и питіе у себѣ по келіямъ имуще въ погребѣхъ; и трапезы особныя койждо во своихъ кельяхъ имуще“. Такъ мѣсто общежитія заступаетъ особножитіе. Монастырскія власти грабятъ и проживаютъ на себя достояніе обители,—тѣ излишки, которые должны были идти на милостыню нищимъ. Отъ того то и падаетъ благотворительность обители во всѣхъ ея видахъ. Одинъ хутынский строитель дѣлаетъ такое распоряженіе: „не давати нищимъ хлѣба милостыни, ни кормити ихъ въ трапезѣ“. „Чашникъ“, завѣдующій монастырскимъ погребомъ, „самолюбивый“, не бояся Бога и презирая отеческую монастырскую заповѣдь и равнодушный къ тому, чѣмъ завѣдывалъ, не даетъ меда болящимъ мірянамъ: „Господа Бога прогнѣвалъ: бѣднымъ и недужнымъ и болящимъ не подавалъ“ ²⁾. Случился голодъ. Новгородскій народъ, привыкшій въ неурожайныя годы питаться изъ хутынскихъ житницъ, валить въ монастырь: „много мвожество гладныхъ людей—мужей съ женами и дѣтей истаеми гладомъ изнемогше кричаще и вопіюще и моляся игумену и всей братіи, чтобы напиташи ихъ алчныхъ и жадныхъ напоиши, отъ глада велика изнемогающихъ“. Что

¹⁾ *Житіе преп. Варлаама*, Изд. Общ. Люб. Др. П. 79, 87—88, 90—92.

²⁾ *Тамъ же*, 89, 77, 94.

же игумень? Игумень Никифоръ (1517—1524 г.г.) „повелѣтъхъ всѣхъ гладныхъ людей и съ женами и съ дѣтьми выслати вонъ изъ монастыря, не да имъ милостыни ничтоже, ни поивъ, ни кормивъ. И повелѣтъ отъ нихъ врата монастырскія затворити и заключити“. Наступила ночь и во снѣ чудотворецъ явился игумену ¹⁾... Обычно къ немилосерднымъ властямъ обители онъ является съ гнѣвными очами— „яримъ окомъ“, говорить къ нимъ „съ великимъ запрещеніемъ“, напоминая свой личный примѣръ и свою предсмертную заповѣдь. Въ его рукахъ неизмѣнно игуменскій жезль, который и цукается въ дѣло на провинившихся, причиняя имъ болѣзни, параличи и даже смерть.

Ужь изъ этого примѣра видно, что паденіе благотворительности знакъ печальнаго состоянія монашества. Но читатель вѣроятно замѣтилъ и то, что благотворительная дѣятельность основателей и устроителей монастырей почти всегда сопровождалась неудовольствіемъ братіи—тайнымъ или открытымъ ропотомъ. И это не случайность. Это ясный показатель того, что *благотворительная обязанность* для монастыря не такое простое и легкое дѣло, какъ можетъ то казаться. Провести ее въ сознаніе братіи и закрѣпить въ строѣ созданной обители на долгое время удавалось очень и очень немногимъ изъ древнихъ подвижниковъ. Умиралъ подвижникъ; его ученики, которые не понимали благотворительной ревности своего преподобнаго игумена, исполняли его заповѣдь только за страхъ, а ученики учениковъ уже совсѣмъ не исполняли. Но случалось вѣроятно часто, что и непосредственные ученики не соблюдали завѣтовъ своего святого наставника ²⁾. Такимъ

¹⁾ Тамъ же, 87.

²⁾ Преп. Корнилій Комельскій, извѣстный своею широкою благотворительностью, въ концѣ своего устава пишетъ. „Слышахъ бо азъ самъ иже отъ мене постригшихся многихъ глаголющихъ: вынѣ намъ Корнилій возбравяетъ и не даетъ по своей воли пожити; а егда умереть, и мы перейдемъ въ свой монастырь (т. е. въ обитель преп. Корнилія, откуда были удалены подвижникомъ) и по воли нашей проживемъ, якоже хоцемъ“ (Ист. Росс. Іер. IV, 703). А въ житіи подвижника, правда довольно глухо, передается о покушеніи на его жизнь двоихъ его учениковъ, за что-то странно ненавидѣвшихъ святого (Ркп. Тр. Лавры № 676, л. 519). Можно ли ожидать, чтобы при такихъ условіяхъ послѣ преп. Корнилія въ его монастырѣ долго продержалось общежитіе, содержался уставъ преподобнаго и свято сохранились его благотворительныя заповѣди?!

образомъ оживленіе благотворительности въ нашихъ древнихъ обителяхъ совпадало съ лучшимъ ихъ временемъ, временемъ управленія ими преподобныхъ основателей; ослабленіе ея и забвеніе благотворительныхъ обязанностей, которое и мы наблюдаемъ нынѣ, совпадаетъ съ худшими временами, свидѣтельствуемъ о печальномъ положеніи самого монашества. Таковъ *историческій урокъ современному монашеству* и его защитникамъ.

Итакъ мы видѣли, что благотворительность въ стяжательномъ монастырѣ есть вспомогательное средство сохраненія устава и порядка. Но *можно разсуждать о благотворительности, какъ совершенно самостоятельной общественной задачѣ православнаго монастыря*. Преп. Іосифъ Волоцкій говорилъ въ Москвѣ на соборѣ 1563 г., что благочестивые ктиторы— князья и епископы давали своимъ монастырямъ села и другія доходныя статьи, возлагая на монастырь благотворительныя задачи: „*праведно судивше и се: да елицы убожествомъ яти или нищетою обстоими, или недуги дручими, монастыря обходяще, утѣху пріемлютъ*“. По воззрѣніямъ преп. Іосифа монастырь долженъ скоплять богатства, чтобы благотворить. Но онъ долженъ благотворить и не будучи богатымъ, ибо монастырь по его воззрѣнію учрежденіе благотворительное. Это выходило ужъ не изъ словъ подвижника, а изъ его дѣятельности, которая описана въ своемъ мѣстѣ нашего очерка. Преп. Іосифъ открываетъ свою богадѣльню для мірянъ—зачѣмъ? а затѣмъ, что „*немощующу челоувѣчеству и грубу нужда подъяти (бѣдной черни слѣдуетъ пособлять) и помогать*“, т. е. затѣмъ, что монастырь обязанъ придти на помощь болящей бѣдности, темному простонародью. Во время голода подвижникъ какъ библейскій Іосифъ открылъ для народа монастырскія житницы, а когда въ нихъ ничего не осталось, началъ покупать, потомъ занимать хлѣбъ на сторонѣ, заставляя не добдать ропщущую братію—и зачѣмъ? а затѣмъ, чтобы ни одинъ челоувѣкъ не ушолъ голоднымъ отъ воротъ его обители, затѣмъ, что монастырь по его мысли во всякомъ случаѣ, богатъ онъ или нѣтъ, долженъ взять на себя дѣло прокормленія голодающаго края, не отказываясь отъ этого ни въ какомъ случаѣ. Отсюда выходило и то, что кормя народъ самъ, преп. Іосифъ убѣждаетъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ богатѣйшихъ землевладѣль-

цевъ края—владѣтельныхъ князей, которые кромѣ помощи населенію хлѣбомъ могли помочь ему и регулированіемъ цѣвъ на хлѣбъ. Волоцкій подвижникъ поставилъ себя и свой монастырь во главѣ продовольственнаго дѣла въ цѣломъ краѣ. Недовольная братія толковала: „какъ прокормить столько народа покупнымъ хлѣбомъ? Безразсудна сія милость!“ Но безразсудны были эти толки. Преп. Іосифъ, неустанно работая для пропитанія тысячъ народа очевидно предполагалъ, что „рука дающаго не оскудѣетъ“. И онъ не ошибся. Великій князь даетъ его монастырю хлѣба для прокормленія голодающихъ и денегъ, дѣлаетъ монастырь органомъ продовольственныхъ операцій правительства. И это единственный извѣстный намъ примѣръ въ такомъ родѣ (во всѣхъ остальныхъ случаяхъ питающей голодныхъ монастырь выступаетъ предъ нами не больше какъ частный благотворитель).

Примѣръ преп. Іосифа чрезвычайно важенъ въ настоящей полемикѣ. На немъ мы видимъ тотъ *предѣлъ, до котораго можетъ дойти дѣятельное монашество, не переставая быть православнымъ*. Современные авторы, стоящіе за активное служеніе его міру — г. Кругловъ и его сторонники — развѣ они требуютъ отъ нашего монастыря службы міру больше той, чѣмъ какую налагалъ на него волоцкій подвижникъ? Нисколько. Они высказываются не болѣе рѣшительно, чѣмъ какъ говорилъ въ свое время на московскомъ соборѣ преп. Іосифъ. И вотъ арх. Никонъ съ своими сторонниками въ одномъ призывѣ монахамъ къ благотворительной дѣятельности усмотрѣлъ подмѣну восточно - православнаго идеала монашества западнымъ католическимъ, навязываніемъ новыхъ задачъ монастырю и неизвѣстныхъ прежде послушаній монаху. Что же выходитъ съ этой точки зрѣнія? Выходитъ, что Іосифъ Волоцкій не православный подвижникъ, а скорѣе католическій монахъ, его многочисленная партія—благотворительный орденъ вродѣ францисканскаго, монастырь его нѣчто похожее на конгрегацію. А мы въ правѣ сдѣлать отсюда такой выводъ: воззрѣнія на монашество арх. Никона и его стороны такъ узки и односторонни, что въ ихъ рамки невозможно втиснуть господствующую съ конца XV в. школу русскаго монашества, да трудно помѣстить и монашество преп. Феодосія и преп. Сергія. Суще-

ствуютъ и теперь въ Россіи монастыри съ благотворительными задачами: упомянутая выше Покровская обитель въ Кіевѣ, Лѣснянскій и Вировскій монастыри въ западномъ краѣ,—всѣ женскіе. Но арх. Никонъ даже отказываетъ имъ въ имени монастыря и предлагаетъ официально называть ихъ общинами ¹⁾.

Арх. Никону очень понравился одинъ терминъ, почему то называемый имъ монашескимъ; онъ имъ обозначаетъ то самое отношеніе, въ которомъ стоитъ инокъ къ дѣлу служенія ближнимъ. Терминъ этотъ — „*подѣліе*“. „Уходъ за больными“, „всякое внѣшнее дѣло“ или „внѣшнее добродѣланіе“, даже „служеніе ближнему“ внѣшнимъ трудомъ своимъ есть ничто иное, какъ „*подѣліе*“, другими словами: „одно изъ текущихъ дѣлъ“, то, чѣмъ наполняется время инока, свободное отъ молитвы и необходимаго келейнаго занятія (значить нѣчто не необходимое?), равное заботамъ житейскаго монашескаго обихода, „не самостоятельное послушаніе“, не цѣль само въ себѣ, а только „средство къ стяжанію единаго на потребу“ — молитвы ²⁾. Однако древніе подвижники никогда не называли „подѣліемъ“ великія дѣла христіанской любви, никогда не приравнивали ихъ этимъ названіемъ къ починкѣ платья, топкѣ кельи, приготовленію обѣда. При помощи лучшихъ пособій мы наводимъ точную справку относительно употребленія слова „*подѣліе*—*πάρεργον*“ въ классической, древнехристіанской, византійской, церковнославянской и древнерусской литературѣ, наконецъ въ живомъ русскомъ говорѣ и что же мы видимъ? Видимъ, что *въ такомъ примѣненіи „подѣліе“ не употребляется нигдѣ, ни одного раза* ³⁾. Мы конечно не ручаемся, что пособія наши

¹⁾ О Лѣснянскомъ и Вировскомъ монастыряхъ см. *Бог. Вѣстн.* 1902, ноябрь, 321—331. Ср. *Душев. Ут.*, февр. 352.

²⁾ Октябрь, 201 и 209; февраль, 337 (дважды).

³⁾ Терминъ *πάρεργον* чаще всего встрѣчается въ классическомъ языкѣ и обозначаетъ предметъ побочный, маловажный, посторонній, второстепенный, добавочный, сверхъ-сметный, нѣчто не возбуждающее вниманія; значитъ далѣе: пристройка или вставка, прибавка, приложение, отступление отъ предмета, бездѣліе (*Henricus Stephanus, Θεσαυρός τῆς ἑλληνικῆς γλώσσης*, vol. VI, col. 491 — 492, verb. *πάρεργος*. Ср. *Nouveau dictionnaire grec-français par A. Chassang*, pp. 723—729. Тамъ обильно приводятся соответствующіе тексты изъ классическихъ авторовъ). — Въ принятомъ у насъ греческомъ текстѣ *Вибліи* слово „*πάρεργον*“ не встрѣчается ни разу

совершенно полны. Можетъ быть арх. Никонъ гдѣ-нибудь и нашель, что царица добродѣтелей—милостыня, а также и

Только однажды употребляется прилагательное *πάρεργος* въ смыслѣ—малый—2 Мак. XV, 19. Въ древнехристіанской и византійской литературѣ оказывается мало случаевъ употребленія любимаго термина арх. Никона. Въ словаряхъ Свицера, Дю-Канжа и Софоклиса даже нѣтъ этого слова. Такъ какъ данныя изъ древнехристіанской и византійской письменности извѣстны намъ въ древнеславянскихъ переводахъ, то такъ мы ихъ и приводимъ. I. *Аванасій Александрійскій*: „Ничесоже подѣлю не творять“ (*πάρεργον*—*лишнее, ненужное*—переводъ *Горскаго и Невоструева*, Опис. рук. Синодальн. Б—ки, II, 2, 40). II. *Григорій Богословъ*: „Аки Саулъ, иже ослѣять отечъ ища, царство обрѣте, болѣ дѣла подѣлокъ приобрѣтъ“. *Тамъ же*: „подѣльници (*πάρεργα*) мужа“. III. *Златоустъ*: „О разбойниче, цѣсарствію исповѣдииче, учителю мученикомъ, иже словомъ маломъ небеса отврѣзе и дивною пѣсню дивно съкровиште обрѣтъ и подѣле крестъное (*πάρεργον σταυρού*) небо створъ“ (малый крестъ сдѣлалъ себѣ небомъ). *В. Capitular, Glagolita clozianus*, p. 18, 700—705. IV. *Прологъ, Іюня 24*: „Свѣтъ сей яко подѣліе имяше (св. Іоаннъ Предтеча), не живяше бо въ домѣхъ многослужебныхъ... но въ пустынѣ единожителинъ“. V. *Четь-Минеи, Апр. 22*: „Болѣ же дѣла подѣліе обрѣтъ“ VI. *Никонъ Черногорецъ*: „Отъ шестого (часа) опочиваю до девятаго, по девятомъ пекуся о пищѣ и еже имать келья подѣлье“. VII. *Константинъ Болг.*: „Въ подѣліе имъ бѣша тѣлесная“ (*Горскій и Невоструевъ*, II, 2, 423). См. *Востокова*, Словарь ц. слав. яз. II, 131; *Миклошича*, *Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum*, Vind. 1862—65, 603; *Срезневскаго*, Матеріалы для слов. др. рус. языка, II, 3, 1075—1076.

Въ древнерусской письменности „подѣліе“ встрѣтилось намъ всего три раза, причемъ примѣняется оно совершенно въ тѣхъ же случаяхъ, что и въ древнехристіанской литературѣ. I. *Посланіе игумену Печерскому Василию*: „земную печаль (житейскія заботы), аки подѣліе имѣя, а о небесней жизни всегда печися по правилу твоего обѣта (Приб. къ Твор. св. От. X, 351). II. *Житіе преп. Сергія* (стр. 24): вспомянувъ, какъ Саулъ, посланный отъ отца за ослѣпцами, былъ помазанъ на царство „и выше дѣла подѣліе приобрѣте“, Епифаній продолжаетъ рѣчь уже объ отрокѣ Вареоломѣ: „Сиде и блаженный отрокъ выше дѣла подѣліе обрѣте; посланъ бо бысть отцомъ своимъ Кирилломъ на высканіе скота обрѣте етера черноризца старца свята“ и т. д. III. *Преп. Нилъ Сорскій*: „И отъ сна убо возставъ, прежде прослави Бога (усты твоими), таже исповѣжься Ему, а потомъ сія дѣлания: молитва, пѣніе, чтеніе, рукодѣліе и, аще есть, подѣліе кое“. (Уставъ, 4 слово, по изд. М. 1849, стр. 63). — Въ *живомъ рускомъ языкѣ* „подѣліе“ значитъ—посторонняя, неважная обязанность, исполняемая послѣ главнаго дѣла, междудѣлье; дѣло или работа не главная, междудѣлье; *лишнее значеніе* „подѣлія“ (вологодское)—рукодѣлье, ремесло (Словарь ц. слав. и русскаго яз., изд. Ак. Н. III т. Спб. 1847, 235; *Далъ*, Толковый словарь живого великорусскаго яз. III, М. 1865).

уходъ за больными во исполненіе словъ Христовыхъ, называются мелкимъ дѣломъ, не необходимымъ, даже ненужнымъ. Если такъ употребляютъ любимое слово арх. Никона *новые писатели-аскеты*, то они это дѣлаютъ вопреки древнимъ христіанскимъ писателямъ, отцамъ Церкви и подвижникамъ. Сдается намъ однако, что это примѣненіе сдѣлалъ самъ арх. Никонъ и притомъ *совершенно неудачно*. Неудачность же его заключается въ томъ, что слово „подѣліе“ имѣетъ *пренебрежительный оттѣнокъ* въ своемъ значеніи: маловажный, посторонній, ненужный предметъ, отступленіе отъ предмета, прямо бездѣлье. Послѣдуемъ теперь за арх. Никономъ и примѣнимъ терминъ „подѣліе“ такъ, какъ его примѣняетъ онъ. Тогда мы получимъ слѣдующее. Преп. Θεодосій обязываетъ иноковъ непременно творить милостыню. Подѣльщикъ! Онъ возводитъ въ обязательное для монаха такое маловажное дѣло, заставляетъ инока отступать отъ главнаго предмета своей жизни и дѣятельности. Преп. Сергій даетъ заповѣдь творить неоскудную милостыню и ходить за больными. Подвижникъ должно быть не догадывался, когда такъ непроизводительно, на такія мелочи онъ предписывалъ расходывать драгоценное время инока. Тоже подѣльщикъ, не больше! Всѣ тѣ преподобные и богоносные отцы, имена которыхъ читатель встрѣтилъ на предшествующихъ страницахъ,—страннолюбцы, нищелюбцы, посѣтители больныхъ,— что такое они, строго слѣдуя примѣненному арх. Никономъ термину? Монахи ли ужъ это? Все это какіе-то утилитаристы, гуманисты, альтруисты, словомъ ничтожные подѣльщики. Да и было ли ужъ у насъ на Руси настоящее монашество до арх. Никона?!

Что здѣсь мы нисколько не навязываемъ арх. Никону своихъ сужденій, что благотворительность для инока по его мнѣнію дѣйствительно есть „подѣлье“ въ смыслѣ уклоненія отъ главнаго предмета, его жизнедѣятельности, или отступленіе отъ настоящаго дѣла, этого не скрываетъ онъ и самъ, заявляетъ прямо, рѣшительно, не останавливаясь предъ крайностями. Въ печати не разъ было высказано скромное пожеланіе, чтобы наши монастыри занимались тѣлесной благотворительностью. Съ подобнаго пожеланія началась и вся настоящая полемика. Арх. Никонъ усмотрѣлъ здѣсь опасность для существованія монашества; мало того—

для самой Христовой вѣры на святой Руси. По его мнѣнію то, что высказалъ г. Кругловъ, „идеаль—суррогатъ попроще, поближе къ нашей обыденной жизни и дѣятельности, — конечно изъ области „добрыхъ дѣлъ“, служенія ближнему и т. п. Да, *это болѣзнь нашего времени!*“¹⁾ Эти люди указываютъ нашимъ обителямъ „чисто утилитарныя цѣли“²⁾. Глумясь надъ призывомъ нашихъ иноковъ къ благотворительной дѣятельности въ пользу темнаго, голодающаго и зараженнаго народа, глумясь надъ призывомъ со стороны людей, которымъ монашество дорого не менѣе, чѣмъ самому арх. Никону, и конечно для вящаго убѣжденія простодушнаго читателя, онъ указываетъ въ этомъ призывѣ „содѣйствіе лукавымъ планамъ адскаго хитреца“, осуществленіе его грандіозной программы погубленія святой Руси. Почтенный о. архимандритъ знакомитъ читателей Душеполезнаго Чтенія съ однимъ „пунктикомъ“ этой программы, полученнымъ вѣроятно отъ собственнаго корреспондента и гласящимъ буквально слѣдующее. „Зададимъ побольше такъ называемыхъ добрыхъ дѣлъ монахамъ въ духѣ гуманизма, альтруизма и самаго благонамѣреннаго утилитаризма; заставимъ ихъ понемногу сократить свои не-сносныя долгія службы; почаще будемъ указывать имъ на западныхъ монаховъ, на ихъ „полезную“ дѣятельность, вдохновляемую побужденіями тщеславія, честолюбія и корысти (—какъ будто чистое созерцаніе въ большей степени предохраняетъ инока отъ тщеславія и честолюбія?!); поставимъ въ невозможность заниматься келейною и умною молитвою; дадимъ всѣ возможные способы къ самооправданію; удалимъ отъ нихъ возможность всякаго уединенія и вниманія къ себѣ; пусть они постепенно забудутъ вовсе свой идеаль; а затѣмъ мы и совсѣмъ обміршимъ ихъ и побѣдимъ этотъ передовой отрядъ Христовой воинствующей церкви!.. Только бы пошли они на эту удочку“³⁾... Этотъ „пунктикъ“ изъ статьи арх. Никона характеризуетъ его полемическіе приемы. Ни г. Кругловъ, ни писавшіе за нимъ и за него люди, никто рѣшительно не говорилъ объ отвлеченіи иноковъ отъ мо-

1) Октябрь, 195.

2) Январь, 109.

3) Февраль, 355.

литвы, никто не желалъ, чтобы въ иноческомъ добродѣланіи былъ элементъ языческой безбожной благотворительности—этого намъ полемистъ не докажетъ точными выдержками. Все это ему только „послышалось“ въ статьяхъ противниковъ и вмѣсто того, чтобы себя провѣрить, онъ возвелъ на нихъ такое обвиненіе!.. Они говорили только, что инокъ можетъ совмѣстить благотворительную дѣятельность съ заботами о спасеніи своей души, они призывали монашество только къ такому служенію, которое по ихъ мнѣнію совмѣстимо съ его задачами и не исключается молитвеннымъ подвигомъ, какъ это ясно и точно заявилъ г. Кругловъ. Гдѣ же тутъ содѣйствіе адскому плану? Однако можетъ быть они содѣйствуютъ духу злобы безсознательно и невольно? Но страннымъ было бы не только говорить печатно, но и думать келейно объ этомъ. Адскій хитрецъ съ своимъ лукавымъ планомъ на нашъ взглядъ очень глупое и невѣжественное существо. Еслибы собираясь погубить святую Русь чрезъ побѣду надъ „передовымъ отрядомъ церкви“—монашествомъ (почему же однако не надъ іерархіей, которая безспорно выше монашества?), онъ заглянулъ въ его исторію, то увидалъ бы ясно, что внѣшнее добродѣланіе не погубляло, а вело на небо истинныхъ подвижниковъ, которые спасались „смѣшая постъ съ милостынею“, а братіи предписывали со тщаніемъ прилежать милостынѣ. Рѣшительно ничего больше того не сказали и современные публицисты, съ которыми воюетъ арх. Никонъ. Пусть же послѣ этого онъ самъ сдѣлаетъ по отношенію къ древнерусскимъ подвижникамъ тѣ выводы, которые неизбежно слѣдуютъ изъ его диковицнаго пунктика!..

Арх. Никонъ изображаетъ намъ идеальнаго православнаго инока *святѣйшимъ эгоистомъ*. Западный монахъ по его представленію и въ своихъ идеалахъ, и въ гуманитарной дѣятельности *грѣшнѣйшій альтруистъ*. А наше сужденіе такое. Истинный *христіанскій подвижникъ*, будь онъ православный или католикъ (въ данномъ случаѣ это безразлично), *долженъ быть святѣйшимъ альтруистомъ*. „Рачитель милостынн, кормитель нищихъ, нагимъ одежда, страннымъ и безкровнымъ тихое пристанище, сиротамъ и вдовицамъ теплый заступникъ, болящимъ въ многѣхъ недузѣхъ врачъ и скорый посѣтитель, печальнымъ утѣшеніе, плачущимъ радость, обидимымъ по-

собникъ, безпомощнымъ помощникъ, должнымъ искупитель и рабомъ свободитель“—вотъ тотъ истинный идеалъ инока, который намъ завѣщала благочестивая русская древность. Именно эти стороны въ личности святыхъ и описываются въ нашихъ древнихъ житіяхъ болѣе подробно, живо и жизненно, тогда какъ подвиги ихъ личнаго аскетизма отмѣчаются кратко и обычно шаблонной житійной фразой. Переведите его, этотъ идеалъ сердобольнаго святого на современный научный языкъ, обобщивъ въ одномъ терминѣ, и вы получите: *христіанскій подвижникъ — альтруистъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова*. О людяхъ же, слѣдующихъ древнерусскимъ подвижническимъ идеаламъ, арх. Никонъ выражается такъ: „увлекаются утилитарными, гуманитарными, альтруистическими идеалами нашего времени“¹⁾; заподозриваетъ ихъ православіе, приравнивая къ католикамъ, чуть не обызываетъ слугами сатаны!

Небольшое и притомъ нелишнее отступленіе... Нашъ читатель, если онъ знакомъ съ „Душеполезнымъ Чтеніемъ“ и нѣкоторыми изданіями, родственными ему по духу и по плоти, можетъ усумниться въ самой умѣстности употребленнаго нами термина—„альтруистъ“. Но пусть отложитъ онъ свои сомнѣнія. Вѣдь слово „альтруизмъ“ давнымъ давно вошло въ семинарскіе учебники, одобренные Св. Синодомъ²⁾. Изгонять его изъ употребленія, о чемъ такъ хлопочетъ Душеполезное Чтеніе и родныя ему охранительныя газеты, не значитъ ли быть православіе самого Святѣйшаго Синода, или же въ неудержимомъ стремленіи назадъ, отставать даже отъ старыхъ семинарскихъ учебниковъ! Философски настроенный умъ, „умъ высокій“ можетъ усмотрѣть въ нашей ссылкѣ на примѣръ благотворителей—подвижни-

¹⁾ Мартъ, 543.

²⁾ Священника Маркова. Обзоръ философскихъ ученій. Одобрено въ качествѣ учебнаго руководства для духовныхъ семинарій. Изд. 2-е Москва 1881 года. Опредѣливъ въ текстѣ значеніе термина *альтруизмъ*, а также и противоположнаго ему „эгонизмъ“, подъ строкою составитель дѣлаетъ такое примѣчаніе въ защиту интересующаго насъ термина: „этотъ терминъ впервые введенъ въ употребленіе Огюстомъ Контомъ и *долженъ быть удержанъ*, какъ точно соответствующій противоположенному термину—„эгонизмъ“, стр. 200. Ср: *Превосв. Антонія Волынскаго*. Полное собраніе сочиненій, III, 357—358. примѣчаніе.

ковъ призывъ къ служенію „человѣко-богу“, вмѣсто служенія „Бого-человѣку“ и найдеть „тонкую подмѣну православно-русскаго идеала монашества идеаломъ западнымъ“. А не проще ли будетъ видѣть на этомъ, для нашего монашества обязательномъ, примѣрѣ прямое исполненіе словъ Христовыхъ: „*взалакался и дасте Ми яети, возжадается и напоисте Мя: страненъ бѣхъ и введосте Мене... боленъ и постытисе Мене?*“ Странно въ самомъ дѣлѣ, даже болѣе чѣмъ странно говорить, что точное исполненіе тѣхъ словъ, съ которыми обратится Господь въ день судный къ „сущимъ одесную“, т. е. къ святымъ, что исполненіе этихъ то самыхъ словъ и можетъ помѣшать чьему либо спасенію?!. Говорить такъ не значитъ ли изъ христіанскаго учрежденія, каково монашество, дѣлать нѣчто совершенно чуждое и даже противное Евангелію?..

V.

Виды монашеской благотворительности. — Помощь голодающимъ. — Уходъ за больными мірянами. — Монастырскія богадѣльни въ древней Руси. — *Богадѣльни-монастыри* (монастыри не настоящіе и приписные). — *Монастыри-богадѣльни* (Переяславскій Даниловъ монастырь). — *Призрѣніе* покинутахъ дѣтей. — Помощь народу во время эпидемій. — Оправданіе уставами ухода иноковъ за больными. — *Школы* при монастыряхъ. — Запрещенія иноку учить дѣтей. — *Религиозно-нравственное учительство.* — *Духовничество* монаховъ (древнее и теперешнее). — *Миссіонерство* иноковъ и *миссіонерскіе монастыри.* — Печалованіе и обличеніе. — *Иноческій досугъ.* — *Созерцательное монашество.* — *Безмолвіе* (сужденіе о немъ св. Исаака Сирина и воззрѣнія арх. Никона). — *Нестяжательность.* — Споръ о ней въ древней Руси. — Арх. Никонъ о монашеской „нестяжательности“: частная собственность монаха, житейскія нужды. — *Стяжательность монастырей.* — Украшеніе монастырскихъ храмовъ. — *Монастырская торговля.* — Къ какому же монашескому направленію отнести воззрѣнія арх. Никона? — *Частныя замѣчанія.* — Высшее призваніе инока. — „Неожиданный союзникъ“ арх. Никона. — Сочувственныя письма. — О нападкахъ на монашество. — Объ основаніяхъ для воззрѣній арх. Никона. — Арх. Никонъ и заповѣдь преп. Сергія. — *Заключеніе:* безобидныя назиданія.

Свойство принципиальной точки зрѣнія арх. Никона на благотворительность иноковъ таково, что удержаться на ней до конца, не сдѣлавъ никакихъ уступокъ, не допустивъ компромиссовъ, невозможно, ибо результатомъ такой послѣдовательности были бы выводы явно безнравственные и безчеловѣчныя. Послѣдовательныхъ приверженцевъ чисто со-

зерцательнаго идеала знаетъ исторія. Удалившись въ пустыню для молитвы, они не хотѣли пускать къ себѣ даже заблудившихся и умиравшихъ отъ голода странниковъ. Они были послѣдовательны и съ своей точки зрѣнія правы, потому что присутствіе посторонняго челоуѣка въ ихъ кельѣ мѣшало ихъ главному занятію—молитвѣ, однако святые подвижники также зерцательнаго направленія осуждали подобную жестокость и безчувственность. Компромиссъ необходимъ. Не избѣжалъ его и арх. Никонъ. Онъ неоднократно утверждаетъ, что и внѣшняя благотворительность монастырей „въ возможной мѣрѣ не отрицается имъ“. Такъ самъ собою возникаетъ *вопросъ о видахъ благотворительности*, допустимыхъ для инока.

Около вопроса о видахъ иноческой благотворительности вращается вся полемика о монашествѣ. Послѣ соображеній, которыя были высказаны арх. Никону его первыми противниками, онъ долженъ былъ взять назадъ или ограничить свое первое заявленіе, что всякое добродѣланіе не дѣло монаха. Есть такіе виды благотворительности, осуществленіе которыхъ никоимъ образомъ не могутъ мѣшать современному иноку молиться. Сюда относится напримѣръ ручная милостыня. Идетъ монахъ на обѣдъ, ему встрѣчается голодная старуха, просящая подаенія. Ну, долго ли сунуть ей въ руку мѣдный пятакъ? Обязательность для иноковъ этого вида благотворительности арх. Никонъ конечно не откажется признать. Вопросъ такимъ образомъ только въ томъ, извѣстны ли исторіи такіе виды монашеской благотворительности міру, которые бы по необходимости лишали иноковъ досуга и заставляли нарушать монашеское правило о молитвѣ?

Въ нашемъ историческомъ очеркѣ читатель встрѣчалъ уже такіе виды благотворительности древнерусскихъ подвижниковъ и монастырей. Намъ остается только сгруппировать разсѣянные черты въ примѣненіи къ современному монашеству.

У г. Круглова есть жестокія слова противъ современныхъ русскихъ монастырей: „во время эпидемій и голода монастыри не проявили большой активной дѣятельности“. Можно было ожидать, что апологетъ монашества—арх. Никонъ въ своей статьѣ, сопровождавшей замѣтку г. Круглова, внимательно

остановится на этомъ сильномъ упрекѣ, брошенномъ нашему монашеству, что онъ расскажетъ намъ, какъ въ годъ 1891—92 гг., посѣтившій 20 русскихъ губерній, монастыри отворили свои житницы, тратили послѣднія крохи, кормили народъ, призрѣвали дѣтей; назоветъ новаго Іосифа, который бы направлялъ правительственную власть противъ жестокосердыхъ скупщиковъ хлѣба, а свое обличительное слово противъ тѣхъ „охранителей устоевъ“ и „друзей народа“, которые замалчивали голодъ, писали, что его нѣтъ, что голодъ выдумали неблагонадежные люди, что мужикъ (лѣнтяй, пьяница и попрошайка) только притворяется, что ему нечего ѣсть, что въ деревнѣ спокойно, однимъ словомъ противъ тѣхъ людей, которые сознательно или безсознательно, но такъ радикально повредили дѣлу народнаго продовольствія въ тяжелую зиму 1901—1902 года. Почему арх. Никонъ не написалъ ничего подобнаго? Отчего онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ словъ г. Круглова о голодѣ, хотя тотъ говоритъ о немъ дважды? А потому, мы думаемъ, что г. Кругловъ совершенно правъ въ своемъ упрекѣ, потому что современный русскій монастырь доказалъ событіями голоднаго года, что онъ стоитъ не на той высотѣ, на какой стоялъ подъ руководствомъ древнихъ подвижниковъ и на которой долженъ бы стоять всегда. Изъ пѣсни слова не выкинешь! Въ голодный годъ, когда миллионы русскаго крестьянства обращали къ имущимъ свое нищенское „Христа ради“, кто услышалъ и отозвался на него? Кто пошелъ въ голодную и зараженную деревню открывать столовые, ясли для дѣтей, ухаживать за больными—развѣ монахи? Нѣтъ, не они. Если скажутъ, что монаху нельзя оставлять монастырь, то мы попросимъ назвать намъ тѣ обители голодавшихъ губерній, которыя бы поступили такъ, какъ поступали въ свое время монастыри преподобныхъ игуменовъ—Кирилла Бѣлоозерскаго, Пафнутія Боровскаго, Іосифа Волоцкаго, Корнилія Комельскаго, Данила Переславскаго? Скажутъ: самъ голодающій народъ не шель къ монастырямъ, какъ ходилъ въ древнее время, а мы спросимъ, почему онъ забылъ объ этомъ, отвыкъ отъ того и почему его не позвали, не напомнили? Боимся ошибиться, но кажется все участіе нашихъ монастырей въ помощи народу выразилось тогда въ денежной жертвѣ, притомъ незначительной

не сравнительно съ грандіознымъ бѣдствіемъ, а со средствами монастырей. Формы помощи голодающимъ — выдача муки или печенаго хлѣба, кормленіе народа или столовая, призрѣніе дѣтей или ясли очень стары; онѣ извѣстны уже Іосифу Волоколамскому. Но кто теперь оказалъ народу помощь въ этихъ формахъ? Люди нецерковные; среди нихъ были не только далекіе, но и враждебные церкви и монашеству. Они то и слышали имя Христово и пошли помогать безпомощному народу, все выносящему въ своей „покорной угнетенности и безнадежной скорби“. Пусть обзоветъ арх. Никонъ этихъ благодѣтелей презрительными именами альтруистовъ, благотворителей — язычниковъ! Ихъ извѣстныя имена навсегда останутся въ исторіи голоднаго года рядомъ съ упрекомъ современному монашеству. И напрасно почтенный о. архимандритъ употребляетъ здѣсь приемъ, который въ старой риторикѣ назывался „фигурою умолчанія“. Это приемъ, невыгодный для полемики...

Впрочемъ есть у монастырей средство поправить дѣло, отвести отъ себя тяжелый упрекъ свѣтскаго публициста, полагаемъ единственное и самое вѣрное средство: подражая примѣру, древнихъ русскихъ подвижниковъ и монастырей, взять на себя дѣло помощи народу во время голодовокъ, признать своею святою обязанностью помогать въ нуждѣ тому, на гроши котораго живутъ сами, только накормить кормящихъ ихъ. Вѣдь крестьянское хозяйство у насъ находится въ такомъ состояніи, что можно ждать повторенія голодовокъ со всѣми ихъ ужасами — тифомъ, цингой и куриною слѣпотою. Много могли бы сдѣлать монастыри для народа въ грядущіе тяжелые годы. Намъ возразятъ: гдѣ же монастырямъ взять средствъ для борьбы съ необъятнымъ бѣдствіемъ? напомнятъ, что древнерусскій монастырь, на примѣръ котораго мы ссылаемся, былъ крупный землевладѣлецъ и богатый хозяинъ; житницы его были полны. Положимъ это правда, но только отчасти. Часто древнерусскій монастырь кормилъ голодающихъ еще въ то время, когда у самого то было очень мало запасовъ, на первыхъ порахъ своего возникновенія — „малыми брашны препиташе людіе мнози“, при жизни своего святого основателя, рука котораго, „яко рѣка многоводна и тиха струями“, была обращена къ нуждающимся. И развѣ отказъ помогать голодному можно

оправдать тѣмъ, что не въ состояніи накормить его досыта? Вѣдь это значило бы повторить безразсудныя слова волоколамской братіи противъ преп. Іосифа: „Како селико (столько) народа прекормити покупающе? Безразсудна сія милость“. При томъ же отъ монастыря мы требуемъ въ этомъ случаѣ сдѣлать не больше того, чѣмъ сколько онъ можетъ сдѣлать. Наконецъ требуемъ и не одной матеріальной помощи, а той общей нравственной пользы, какую онъ долженъ, если впрочемъ можетъ при настоящемъ состояніи, внести въ это дѣло. Въ извѣстной книгѣ *Короленко* „Въ голодный годъ“ описана печальной извѣстности „Лукайновская исторія“, которая только не въ такихъ рѣзкихъ формахъ повторялась вѣроятно во многихъ голодавшихъ уѣздахъ: это неумѣнье взяться за дѣло помощи, бесплодная борьба между разными вѣдомствами, поставленными къ этому дѣлу (особенно со стороны администраціи), политика замалчиванія бѣдствія, какъ голода, такъ и эпидеміи тифа (!), все то, что прикрывало позорное равнодушіе къ бѣдствію,—въ то самое время, когда растерянный народъ не зналъ, кто же ему долженъ помогать. Какой превосходный моментъ для людей, отрекшихся отъ міра, его связей и политики, похристіански посмотрѣть на дѣло, небоязненно сказать обличительное слово тѣмъ, кому слѣдовало, понечаловаться за народъ предъ имущими властью и помочь ему сколько можно изъ своихъ средствъ, какъ обличали, печаловались и помогали подвижники древней Руси и какъ не дѣлаютъ этого теперешніе монахи. Мы не хотимъ сказать, что монастырь долженъ стать непременно органомъ продовольственнаго дѣла, не желаемъ, чтобы его эксплуатировало въ этихъ цѣляхъ правительство. Но мы рѣшительно утверждаемъ, что въ голодные годы монастыри не могутъ отказываться отъ частной благотворительности и иноки должны работать на пользу бѣдствующаго народа, если для нихъ имѣютъ значеніе примѣры древнихъ подвижниковъ и ихъ завѣты, если они помнятъ съ боязнью осудительное слово Господа сущимъ ошуюю: „*взалкался и не дасте Ми ясти, возжадался и не напоисте Мене... боленъ и не посѣтити Мене*“.

Великія опасности для иноческаго дѣланія усматриваетъ арх. Никонъ въ открытіи *монастырскихъ больницъ для мірянъ*. То онъ съ ужасомъ сообщаетъ о проэктѣ г. Круглова пре-

вратить монастыри въ больницы, хотя почтенному публицисту и на умъ не приходило этого ¹⁾; то утверждаетъ, что заводить благотворительныя монастырскія учрежденія значитъ ломать иноческіе уставы и извращать монашескіе идеалы ²⁾; то пророчествуетъ, что въ такомъ случаѣ не видать намъ ни Серафимовъ Саровскихъ, ни Амвросіевъ Оптинскихъ—„ибо погаснетъ въ обителяхъ тотъ духъ, который одинъ только можетъ воспитать ихъ“ ³⁾; то не признаетъ ухода за больными въ числѣ обязанностей инока, который не можетъ отдаться весь ви́шнему служенію хотя бы и болящему ближнему ⁴⁾. Больница для мірянъ должна испортить монастырь: она будетъ „уголкомъ міра въ монастырѣ“ ⁵⁾, она превратитъ монастырскую братію въ братьевъ милосердія ⁶⁾. Насмѣшливо сообщаетъ арх. Никонъ о томъ описаніи гибели дѣтей и вымираніи болѣющаго нашего народа, которое онъ прочиталъ въ статьяхъ арх. Евдокима, говоря, что тотъ такъ трогательно изображаетъ человѣческія бѣдствія, какъ будто желаетъ вызвать иноковъ изъ стѣнъ монастыря за ворота, чтобы тамъ всецѣло отдать себя служенію ближнему, стать „какими то странствующими братьями милосердія“ ⁷⁾. И послѣ всего этого по логикѣ, для насъ непостижимой, арх. Никонъ заявляетъ, что онъ не противъ больницъ при монастырѣ, только бы онѣ не содѣйствовали нарушенію молитвеннаго правила иноковъ ⁸⁾. Не такъ судили по данному вопросу лучшіе иноки древней Руси, поученія

1) Октябрь, 200.

2) „Если иноки будутъ слѣдовать своему идеалу такъ, какъ подобаетъ, то для нихъ не примѣнимо будетъ учрежденіе больницъ... Оно только еще далѣе отодвинетъ ихъ отъ идеала“ (январь, 119).

3) Октябрь, 206.

4) „Не ви́шнимъ служеніемъ, хотя бы и больнымъ... нѣтъ, а личнымъ нашимъ подвигомъ мы, иноки, обязаны послужить спасенію ближнихъ“ (февраль, 342). „У монаха есть свое дѣло неотмѣнное, а больница требуетъ всего себя отдать; вѣдь отъ больного нельзя уйти цѣлыми сутками“ (январь, 111).

5) Январь, 113.

6) „Тогда (при существованіи больницъ) намъ пришлось бы совсѣмъ забыть идеалъ монашества, превратиться въ разнаго вида братьевъ милосердія“ (февраль, 339).

7) Февраль, 350.

8) Январь, 112.

которыхъ служатъ откликомъ словъ Евангелія. „Чадѣ! навѣщаетъ старецъ ученика: алчущаго накорми, жаждущаго напои, нага одежи и *больного посѣти* и донеси имъ потребная и къ темницѣ дойди и виждь бѣду ихъ“¹⁾. Въ иноческомъ поученіи братіи общежительнаго монастыря даются наставленія: „учити ненаказанныя, утѣшати печальныя и тщивыя (малодушныхъ) и *служити больнымъ* и ноги святыхъ умывати и страннымъ братомъ печаловати“²⁾.

Ар. Никону извѣстны историческіе примѣры при монастыряхъ больницъ, но ихъ онъ считаетъ исключеніемъ, котораго нельзя возводить въ общее правило (—такова больница при Кіево-Печерской обители) или же дѣломъ прямой неотложной необходимости, какъ больница для богомольцевъ на Соловецкомъ островѣ³⁾. Но очевидно арх. Никонъ мало знаетъ исторію отечественнаго монашества, если говоритъ такъ. Примѣръ Печерскаго двора для нищихъ и больныхъ не исключеніе. Въдъ Печерскій монастырь старѣйшій въ Руси, всѣ древніе монастыри отъ него переняли уставъ и строй жизни. А примѣръ Троицкой лавры, которая выстроила на Подолѣ богадѣльню для лежней и посылала служить больнымъ своихъ монаховъ? Можетъ быть и этотъ фактъ, по отношеніи къ которому арх. Никонъ считаетъ „удобѣе молчаніе“,—исключеніе, нисколько не обязательное для другихъ обителей?.. Корнилій Комельскій строить богадѣльню внѣ монастыря на покой нищимъ и страннымъ, преп. Іосифъ Волоколамскій—малый монастырь съ богадѣльней вблизи своего главнаго монастыря. Здѣсь сами иноки ходили за больными, умѣя соединить подвижничество съ дѣломъ милосердія⁴⁾. Преп. Данилъ Переславскій подбиралъ больныхъ за монастыремъ и лечилъ ихъ въ своей кельѣ. Въ самый монастырь онъ принималъ тѣхъ бѣдныхъ больныхъ, которыхъ навезли ему изъ окрестностей.

1) Рж. Соловецкаго м-ря, № 56, л. 203 об.

2) К. И. Невоструева, Иноческія поученія матеріалы для исторіи р. церкви I, 141.

3) Октябрь, 200—201; февраль, 337.

4) Была еще при монастырѣ Макарія Калязинскаго „страннопримница“, въ которомъ жилъ убогій, увѣчный, получившій чудесное исцѣленіе (*Житіе преп. Макарія*, Рж. Вол. В—ки, № 632, л. 157). Это тоже вѣчто вродѣ богадѣльни.

Какъ чумы, арх. Никонъ боится превращенія монастырей въ благотворительныя учрежденія, а между тѣмъ онъ долженъ знать, что въ древней Руси *не было строгой границы между монастыремъ и богадѣльней*. При приходскихъ церквахъ сель и городовъ поселялись слободкой нищіе, значительную часть которыхъ составляли больные, старые, увѣчные, вообще, „богадѣльные люди“; кормились они, ходя по міру, увѣчные и больные—приносимымъ подаяніемъ мірянъ. Нѣкоторые изъ нихъ принимали постриженіе. Такая слободка, стоящая обычно на церковной землѣ, близъ храма, называлась *монастыремъ*. И такихъ монастырей на святой Руси было гораздо больше, чѣмъ монастырей въ собственномъ смыслѣ, о которыхъ знаетъ исторія. Цѣлыми гнѣздами выростали они при крупныхъ монастыряхъ, въ которые стекалось много нищелюбивыхъ богомольцевъ и изъ которыхъ они получали милостыню. Сама Троицкая лавра окружена была монастырьками-богадѣльнями ¹⁾. Настоящая богадѣльня Троицкой Лавры при Введенской церкви называется „*богадѣльнымъ монастыремъ*“, или *монастыремъ богадѣльней*. Но возможно ли по мнѣнію арх. Никона даже самое объединеніе понятій „*монастырь*“ и „*богадѣльня*“?! Такъ богадѣльня въ древней Руси превращалась въ монастырь. Но возьмемъ снова „божедомскую обитель“ преп. Даниїла, которая не была филиальной или подчиненной какому нибудь — большому монастырю, а представляла совершенно самостоятельный монастырь. Что она такое: монастырь или богадѣльня? Арх. Никонъ долженъ сказать, что это уже монастырь, пре-

¹⁾ Въ Кормовой книгѣ 1592 г. сказано, что когда по князь Юріѣ Ивановичѣ Дмитровскомъ бываетъ кормъ на Троицкую братію, тогда „раздаютъ пять рублевъ нищимъ-старикамъ и старцамъ вкругъ монастыря милостыни: къ Покрову на Хотково, да къ Пречистой подь Сосну (въ Подосенъ), да Клементьевскимъ старикамъ, да Благовѣщенскимъ старикамъ, да Зубачевскимъ старикамъ, да Дерюзинскимъ старикамъ, да Шараровскимъ старикамъ“. Здѣсь очевидно смѣшаны старицы—черноризницы со стариками—нищими, жившими милостынею при подмонастырскихъ сельскихъ церквахъ, замѣчаетъ іером. Арсеній. Оказывается изъ другихъ источниковъ, что рѣчь здѣсь о старикахъ описанныхъ богадѣльныхъ монастырьковъ: въ Благовѣщенъи упомянуто „пять келей, въ нихъ живутъ нищіе, питаются о церкви Вожіи“, то же и въ Шараровъ: въ Дерюзинѣ „одинадцать келей, а въ нихъ живутъ нищіе“. *Іером. Арсеній, Село Клементьево Ч. О. II. и Др. 1887, кв. II, стр. 13, прим.*

вращенный въ богадѣльню съ забвеніемъ прямого иноческаго назначенія, съ извращеніемъ монашескаго идеала, съ ломкою устава, съ обращеніемъ монастырской братіи „въ какихъ то“ тамъ братьевъ милосердія, съ угашеніемъ истиннаго духа *христіанскаго подвижничества* и т. д., и т. д. Пусть онъ это скажетъ о преп. Даниилѣ Переславскомъ! Больницу можетъ построить только тотъ монастырь, который стоитъ на необитаемомъ островѣ, разсуждаетъ арх. Никонъ. Но стольный Кіевъ XI в., Троицкая Лавра XV—XVII стол. или Переславль-Залѣвскій при жизни преп. Даниила, развѣ это похожи на Соловки?

Въ исторіи голода, описаннаго въ житіяхъ преп. Іосифа, есть характерная подробность — *призрѣніе покинутыхъ дѣтей*. Подвижникъ подбираетъ отрочатъ, которыхъ оставили голодающіе родители, помѣщаетъ ихъ въ страннопріимницѣ, потомъ строитъ для нихъ даже особый домъ при монастырѣ и какъ родной отецъ „питаше сія чада, яже не породѣ“. Подобные случаи извѣстны также изъ житій Кирилла Бѣлоозерскаго и Корнилія Комельскаго. И въ этомъ ничего нѣтъ неожиданнаго: сиротъ дѣтей монастыри призирали еще въ IV в. Вопросъ о призрѣніи при монастыряхъ дѣтей, которыхъ также покидаютъ родители и которые гибнутъ въ воспитательныхъ домахъ, былъ поднятъ въ настоящей полемикѣ. Арх. Евдокимъ пишетъ, что много гибнетъ такихъ дѣтей (какъ много же вымираетъ у насъ народа отъ необезпеченности, невѣжества и всякой безпомощности) и заканчиваетъ свою рѣчь словами: „не убійцы ли мы ихъ отчасти?“ Арх. Никонъ смѣется. „Странное обвиненіе, не правда ли? Вотъ до чего можно догориться, сойдя съ почвы, на которой единственно и возможно было разсуждать“ ¹⁾. Да, читатель, вотъ до чего можно договориться и надъ чѣмъ насмѣяться, разсуждая отъ собственнаго разума, забывая или даже не зная, что призрѣніе при монастыряхъ покинутыхъ дѣтей, которымъ грозитъ смерть, освященно примѣрами истинныхъ подвижниковъ Христовыхъ и ихъ уставами.

„Охраненіе народнаго здравія... Но развѣ появилась чума, холера или черная смерть? О, конечно, тогда пусть всѣ ино-

¹⁾ Февраль, 338.

ки обратятся въ братьевъ милосердія, всѣ монастыри въ больницы и пристанища несчастнымъ. Но слава Богу: пока этого нѣтъ. О чемъ же рѣчь?“¹⁾ Такъ отвѣчалъ арх. Никонъ г. Круглову на призывъ иноковъ *помогать народу во время эпидемій*. Неожиданныя рѣчи! Арх. Никонъ не чувствуетъ, что написавъ эти строки совершенно разрушилъ то, что съ такимъ трудомъ и усиліемъ сооружалъ и согласился на все то, что отрицалъ съ такимъ азартомъ. Когда случится эпидемія, всѣхъ иноковъ по его мнѣнію должно обратить въ братьевъ милосердія, всѣ монастыри въ больницы. Прекрасно. Ну а если рѣчь пойдетъ о такихъ заразныхъ болѣзняхъ, какъ напр. сифились или чахотка, отъ которыхъ страдаетъ наша Русь? Почему же для борьбы съ ними не соглашается арх. Никонъ сдѣлать братьевъ милосердія изъ иноковъ и больницы изъ монастырей? Вѣдь смерть для больного таже смерть, что отъ холеры и чумы, что отъ сифилиса и чахотки, а страданій при послѣднихъ вѣроятно больше, такъ какъ самыя болѣзни продолжительнѣе. Вѣдь и со стороны интересовъ цѣлаго государства неизвѣстно еще, что тяжелѣе, убыточнѣе, — пронесшаяся ли ураганомъ одинъ разъ въ четверть вѣка эпидемія и уложившая сразу миллионъ, или хроническія заразныя болѣзни, ежегодно вырывающія сотни тысячъ и грозящія со временемъ стать еще губительнѣе, потому что онѣ безпрепятственно распространяются и въ нашей деревнѣ и среди городского пролетаріата. „О чемъ же рѣчь?“ спросимъ мы арх. Никона. Никакихъ нѣтъ препятствій, если быть только послѣдовательнымъ, превратить иноковъ въ братьевъ милосердія и монастыри въ больницы и сейчасъ. Но дѣло въ томъ, что арх. Никонъ самъ оказался непослѣдовательнымъ. Съ точки зрѣнія его идеала, который онъ называетъ возвышеннѣйшимъ, гораздо послѣдовательнѣе было бы обратное разсужденіе: монастыри не обязаны никогда помогать болящимъ мірянамъ. И пусть проститъ насъ почтенный о. архимандритъ, но его торжественное обѣщаніе за все русское монашество и за всѣ русскіе монастыри мы не можемъ принять серьезно. Оно нисколько не соотвѣтствуетъ всему тому, что самъ же онъ писалъ объ уходѣ иноковъ за больными,

---

¹⁾ Октябрь, 196.

не соотвѣтствуетъ и тому, какъ отнеслись наши монастыри къ народному бѣдствію недавняго холернаго года.

Читатель можетъ подумать, что мы хотимъ превратить монастыри въ богадѣльни и въ воспитательные дома, навязать инокамъ „новыя послушанія“, не предписанныя православнымъ уставомъ, измѣнить самыя монашескіе обѣты и, заразившись духомъ „гнилого запада“, угасить духъ православнаго иночества. Но пусть не подумаетъ этого нашъ читатель. Мы тожько утверждаемъ, что можно соединить съ иночествомъ безъ малѣйшаго для него ущерба подвигъ ухода за больными мірянами и за беззащитными дѣтьми, что высочайшее дѣло христіанскаго милосердія никоимъ образомъ не можетъ разрушать строй христіанскаго монастыря; утверждаемъ наконецъ, что говорить противное значить извращать идеалы Евангелія, а вслѣдъ за нимъ и идеалы монашества. Оправданіе своихъ положеній можемъ мы найти и въ древнихъ монашескихъ уставахъ и въ житіяхъ восточныхъ подвижниковъ ¹⁾. Небезынтересная черта, характеризующая полемическіе приемы арх. Никона. Онъ увѣряетъ: „И почему эти „новыя“ послушанія (между прочимъ больницы) *не вошли въ уставы*, въ основныя такъ сказать кодексы монастырской жизни до сего времени“ ²⁾? Провѣримъ. Обращаемся къ *уставу Василия Великаго*. Вопросъ 155 Правилъ Краткихъ гласитъ: „поелику мы, которые *прислуживаемъ больнымъ въ страннопріимномъ домѣ*, научены прислуживать имъ съ такимъ расположеніемъ, какъ бы служили братіямъ Господнимъ; то, если принимающій отъ насъ услуги, будетъ не таковъ, — какъ должны мы къ нему относиться?“ Если это неубѣдительно, найдемъ въ Правилахъ Пространныхъ отвѣтъ 7, гдѣ говорится, какъ о *заповѣди общежительнаго монастыря*, „о посѣщеніи больного“ ³⁾. Страннопріимный домъ, гдѣ ходятъ иноки за больными, развѣ это не тоже, что монастырская больница для мірянъ? Заповѣдь братству монастыря—развѣ это не послушаніе? И вотъ, несомнѣнно зная уставъ законоположника христіанскаго монашества,

¹⁾ См. статью священника Н. П. Добронравова, печатающуюся въ Моск. Церк. Вѣдомостяхъ „Уходъ за больными въ древнемъ христіанствѣ“. Здѣсь собрано достаточно фактовъ ухода за больными мірянами и со стороны древнихъ подвижниковъ востока.

²⁾ Январь, 103.

³⁾ Твореній V, 262, 105.

почтенный архимандритъ увѣряетъ читателей... Вѣдь его читатели и почитатели вѣрятъ ему на слово, не справляясь вѣроятнo въ уставахъ. Мало этого. Они читаютъ и зачитываются его статьями, приходятъ въ наивный восторгъ отъ такой „защиты“ православнаго идеала монашества и въ редакцію Душеполезнаго Чтенія шлютъ свои простодушно-сочувственныя письма. Бѣдные, довѣрчивые читатели и почитатели „душеполезнаго“ журнала!

Допустимо ли *участіе иноковъ въ народномъ образованіи*, въ религіозно-правственномъ просвѣщеніи народа *посредствомъ школы?* Конечно допустимо. Мы видѣли, что благотворительность есть непремѣнная обязанность нашихъ монастырей. А просвѣщеніе народа и есть именно особая форма благотворительности, притомъ несомнѣнно самая плодотворная форма ея. Потому и бѣденъ нашъ народъ, что онъ темный, безграмотный,—таковъ результатъ, къ которому пришли въ большинствѣ своемъ мѣстные комитеты, недавно совѣщавшіеся о нуждахъ нашей деревни, таковъ голосъ русской земли о своей большой нуждѣ. И если у монастырей есть средства и люди для поддержанія школъ, онѣ должны стоять при монастыряхъ. Того требуетъ наше время, когда великій русскій народъ пріобщается просвѣщенію, какъ выражался, кажется, покойный Рачинскій. Средства у монастырей несомнѣнно теперь есть, а люди скоро будутъ, разъ будетъ сознана задача. Намъ кажется, школа (поможетъ повышенію уровня образованія и среди самихъ иноковъ. Въ древней Руси обители были очагами если не просвѣщенія, то книжности. А въ настоящее время, когда грамота идетъ и въ глухую деревню, похвально ли содѣйствовать тому, чтобы монастыри превратились въ очаги невѣжества?

Къ оправданію школъ при монастырѣ слѣдовало бы придти даже и въ томъ случаѣ, если бы не было никакихъ историческихъ прецедентовъ. Но прецеденты есть. Уставъ Василія Великаго предписываетъ принимать дѣтей сиротъ, а также и по волѣ родителей, помѣщать ихъ въ особомъ домѣ за монастыремъ, учить грамотѣ и воспитывать подъ руководствомъ инокъ „учителя мірскихъ дѣтей“ и надежнаго надзирателя также изъ иноковъ ¹⁾. Но эти дѣти принимались не для общаго

¹⁾ Прав. простр. 15 вопр. Твор. V, 119—121. Прав. кратк. 53 вопр. V, 182—183; вопр. 292, стр. 330—331.

воспитанія, а для приготовленія къ монашеству. Однако указанный фактъ не единственный. „Изъ житія Пахомія видно, читаемъ мы у преосв. *Феофана* въ его книгѣ „*Древніе иноческіе уставы*“, что дѣти воспитывались при монастыряхъ. *Цѣль воспитанія ихъ была не единственно та, чтобы они потомъ были монахами*, хотя и это могло быть; но чтобы воспитать ихъ въ страхъ Божіемъ и истинномъ благочестіи, научивъ ихъ притомъ грамотѣ, письму и рукодѣльямъ. Это видно изъ обстоятельствъ жизни преп. Пахомія, гдѣ поминается о дѣтяхъ“ ¹⁾. При монастырѣ преп. *Феодора Студита* было училище, потому что въ его „*Монашескихъ эпитиміяхъ*“ упоминаютъ „*учитель дѣтей*“, очевидно *инокъ* ²⁾. Русское монашество, устроенное по студійскому уставу, не могло въ принципѣ отрицать возможности учрежденія школъ при монастыряхъ. Извѣстны случаи, когда въ древнерусскихъ монастыряхъ или у иноковъ обучались дѣти. Преп. *Евфросинія Полоцкая* беретъ въ монастырь свою сестру *Городиславу*, „да научится грамотѣ“. Родители отпускаютъ ее только затѣмъ, но подвижница противъ ихъ воли постригаетъ свою сестру въ монашество ³⁾. Очевидно обычай обучать дѣтей по крайней мѣрѣ въ женскихъ монастыряхъ былъ въ древней Руси. Встрѣчаются подобные факты и относительно мужскихъ монастырей. О преп. *Иосифѣ Волоцкомъ* извѣстно: „егда бысть сей отрокъ семи лѣтъ, родители его даша на обученіе грамотѣ во обитель Воздвиженія честнаго креста Господня старцу честному именемъ *Арсенію*, пореклу *Леженкѣ*“ ⁴⁾. При миссіонерскихъ монастыряхъ (о которыхъ рѣчь ниже) устраивались и цѣлыя школы для обученія дѣтей новокрещеннаго края.

Однако намъ укажутъ на *прямыя запрещенія допускать дѣтей* въ монастыри для обученія грамотѣ, вызванныя въ древней Руси распространеніемъ прстивоестественныхъ пороковъ въ темной монашеской массѣ. Запрещенія эти намъ

¹⁾ Названной книги стр. 144.

²⁾ *Migne*. P. Gr. XCIX, col. 1745, прав. 96: „*λερι τοῦ διδασκάλου τῶν παιδῶν*“.

³⁾ *Житіе преп. Евфросиніи*, Пам. стар. р. литер. IV, 175.

⁴⁾ *Житія*, 4—5. Въ *Исторіи Татищева* есть рядъ извѣстій объ училищахъ при древнихъ монастыряхъ. Но *Е. Е. Голубинскій* опровергаетъ эти извѣстія самымъ рѣшительнымъ образомъ. *Исторія* I, 1, 870—880.

извѣстны. „Внимаи себѣ, говорить иноческое поученіе глубокой русской древности, съ дѣтищемъ не дружися, не сѣди съ нимъ, ни стой, паче же единъ... ни книгамъ ихъ не учи“¹⁾. Преп. Евфросинъ Псковскій въ своемъ Уставѣ предписываетъ: „дѣтей малыхъ не примати во обитель, еже учити ихъ книгамъ“, а вмѣстѣ съ тѣмъ запрещаетъ допускать въ число монастырскаго братства „голоусовъ“, т. е. молодыхъ, безбородыхъ²⁾. Иосифъ Волоколамскій безусловно воспрещалъ пускать отрочать въ монастырь за какимъ бы то ни было дѣломъ, напр. нищихъ за полученіемъ подаенія, разносчиковъ для торговли. Согласно съ возрѣніемъ одного древняго патерика, подвижникъ убѣжденъ: „злѣйши бо суть женѣ отрочата на иноки“³⁾. Однако говоритъ ли это рѣшительно противъ самого принципа служенія иноковъ народу участіемъ въ его просвѣщеніи, противъ желательности и возможности школъ при монастыряхъ? Нѣтъ, это ограничиваетъ только примѣненіе принципа къ жизни, не больше.

Рѣшительныя указанія арх. Никона на опасности, происходящія отъ дѣтей-школьниковъ для монастырей, странны въ виду того, что на дѣлѣ въ современныхъ обителяхъ дѣти и отроки допускаются, хотя и въ иныхъ цѣляхъ. „Голоусовъ“ мы видимъ во множествѣ среди послушниковъ. Дѣти служатъ монастырю въ его хорахъ, въ мастерскихъ и типографіяхъ, которыми завѣдуютъ монахи. Неужели это соприкосновеніе съ дѣтьми и голоусами сопровождается теперь въ монастыряхъ тѣми послѣдствіями, которыхъ боится арх. Никонъ отъ наличности школы при монастырѣ?!.. Если же нѣтъ, то непонятно, почему соприкосновеніе монаха съ дѣтьми въ мастерской нисколько не вредитъ нравственности монаха, а занятія съ нимъ въ школѣ представляетъ чрезвычайную опасность. На нашъ взглядъ отмѣченная опасность ужъ не такъ велика и не настолько неустранима. Вѣдь Василій Великій, этотъ законодатель православнаго монашества, рекомендовалъ же монастырямъ принимать дѣтей-си-

1) Матеріалы для исторіи рус. церкви, I, 159—160.

2) Ркп. Вол. Б-ки, № 632, л. 446.

3) *Духовное Заповѣданіе*, сл. 9 Вел. Ч.-Минеи, 9 сент., 544—546 стб. Припомнимъ кстати настойчивое запрещеніе Стоглава держать „голоусыхъ робятъ“ по кельямъ...

ротъ и держать до такого возраста, когда они будутъ въ состояніи сознательно принять постриженіе. Воспитатель и учитель къ этимъ дѣтямъ выбирались изъ братіи, разумѣется, послѣ испытанія. Если скажутъ, что эти дѣти готовились къ иноческому званію, то вѣдь опасность отъ присутствія дѣтей вблизи монастыря зависитъ вовсе не отъ того, къ чему они готовятся... Также слѣдуетъ сказать и о дѣтяхъ въ Тавенскомъ монастырѣ Пахомія и въ обители Θεодора Студита. Но для лучшихъ иноковъ обращеніе съ дѣтьми не могло бы доставить ничего иного, кромѣ высокаго нравственнаго наслажденія. Въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что Авраамій Смоленскій и Даниилъ Переславскій принимали на исповѣдь и дѣтей, состояли ихъ духовными отцами. А духовничество по понятіямъ древней Руси — только особая форма религіозно-нравственнаго учительства. Въ нашемъ посадѣ живетъ преданіе, что преп. Сергій очень любилъ дѣтей. Дѣти собирались къ нему и подвижникъ ласкалъ ихъ, дарилъ игрушки, которыя самъ же вырѣзывалъ изъ дерева. Такъ и возникъ по преданію въ Сергіевскомъ посадѣ игрушечный промыселъ. Вотъ желательныя отношенія хорошаго инока къ дѣтямъ. А тотъ монахъ, котораго смутятъ отрочата, какъ смутили они въ свое время волоколамскаго инока Андрея Квашнина „пореклу Невѣжа“,—пусть уходитъ отъ соблазна въ такую обитель, которая не захочетъ имѣть школы за своими стѣнами. Мы склонны думать, что монастыри востока и древней Руси страдали болѣе отъ противоестественныхъ пороковъ, чѣмъ настоящіе, и что правила, которыя приводились выше, вызванныя условіями времени, потому самому и не соблюдаются въ настоящее время. Почтенный о. архимандритъ полагаетъ, что опасность эта не миновала и теперь у насъ. Не смѣемъ оспаривать его въ этомъ: ему лучше насъ извѣстны нравы современнаго монашества. Но если монахи не могутъ служить дѣлу народнаго образованія своими людьми, пусть служатъ ему своими средствами съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы средства эти не только не были отчуждаемы у церкви, но и у самого монастыря. Наконецъ, монахини? Онѣ лишены физической возможности впасть въ грѣхи, предусмотрѣнные правилами о недопущеніи дѣтей въ монастыри. Почему же не учреждать женскихъ школъ при женскихъ обителяхъ? А вѣдь монахинь у

насъ больше, чѣмъ монаховъ. Остается сказать, что школы отняли бы у монаховъ досугъ, необходимый для молитвы, но объ этомъ поговоримъ ниже ¹⁾.

Церковная школа есть одинъ изъ видовъ *религіозно-нравственнаго учительства*. Отрицая желательность ея при монастырѣ, какъ же смотритъ арх. Никонъ на другія его формы? Онъ считаетъ инока свободнымъ отъ религіозно-нравственнаго учительства среди мірянъ въ той же мѣрѣ, какъ и отъ благотворительныхъ заботъ о нихъ. Онъ пишетъ: „да, мы должны благовѣствовать законы Христовы, говорить о Христѣ Спасителѣ день и ночь, но *не словомъ*, а *дѣломъ*, *примѣромъ*, *личнымъ подвигомъ*“ ²⁾. Но эти слова идутъ совершенно вразрѣзъ съ воззрѣніями преп. Ѳеодосія, отца русскаго монашества, и со всей исторіей послѣдняго. Преп. Ѳеодосій говорилъ князю Святославу: „Се намъ (инокамъ) подобаеъ обличати и *глаголати* вамъ (мірянамъ), еже на спасеніе души, вамъ же лѣпо бы послушати того“. И эти слова можно считать программой для нашего древняго монашества. Великій подвижникъ заботился не только о душахъ порученнаго ему стада черноризцевъ, но и о спасеніи мірскихъ людей, особенно же о дѣтяхъ своихъ духовныхъ. Часто ходилъ онъ въ ихъ дома для бесѣды, еще чаще принималъ у себя, не жалѣя тратилъ свои подвижническіе досуги. Многіе послѣдующіе подвижники состояли духовниками у мірскихъ людей, принимали на исповѣдь дѣтей, общеніе съ которыми запрещалось въ древней Руси, и женщины, не боясь того, что отъ жены „мнихъ растлится и въ небытіе бываетъ, сирѣчь умираетъ душею и погибаетъ яко прахъ“, по выраженію древнерусскаго отшельника. *Духовничество* было едвали не самой распространенной формой учительности со стороны древнерусскаго монашества. И это понятно: то была его историческая привиллегія. *Духовничество* и вообще

¹⁾ Статьи арх. Никона вынуждали бы насъ говорить здѣсь объ „ученомъ монашествѣ“ (см. февраль, 344—346). Но мы обойдемъ этотъ вопросъ, такъ какъ наша справка изъ исторіи древне-русскаго монашества не даетъ никакихъ основаній для сужденій объ этомъ новомъ сравнительно у насъ явленіи. Да притомъ же среди литературныхъ противниковъ арх. Никона есть лица, которыхъ гораздо ближе, чѣмъ насъ, касается указанный вопросъ.

²⁾ Февраль, 342.

дисциплина тайной исповѣди развились въ монастырѣ путемъ явленій, которыя едвали совмѣстимы съ воззрѣніями арх. Никона на монашество. Онъ повидимому проповѣдуетъ полный индивидуализмъ спасенія: пусть каждый спасается самъ по себѣ въ полномъ одиночествѣ. Но такое пониманіе спасенія (если только такъ понимаетъ его арх. Никонъ) осуждается самыми основами монашеской жизни. Извѣстно, что съ самаго древняго времени въ монашествѣ возникъ институтъ старчества, который существуетъ и теперь, искони лежалъ и долженъ лежать въ основѣ всего монастырскаго строя. Но старчество несоединимо съ такими воззрѣніями на дѣло иноческаго спасенія. Отношенія старца и ученика внѣшнимъ образомъ выражаются сожитіемъ въ одной кельѣ, что нарушаетъ полное одиночество подвижника. Внутреннимъ образомъ ихъ отношенія характеризуются неразрывнымъ союзомъ душъ, совершеннымъ подчиненіемъ ученика старцу, какъ раба господину, и полной отвѣтственностью старца за грѣхи послушника, принятіемъ его души на свою душу и его грѣховнаго бремени на свою выю. Здѣсь мы видимъ совершенно пастырское душепопеченіе, *самоотверженное служеніе* спасенію своего ближняго, несомѣстимое ни съ индивидуализмомъ, ни съ эгоизмомъ спасенія. Тоже самое положеніе, что старецъ въ отношеніи къ ученикамъ, занимаетъ въ общежительномъ монастырѣ игумень или настоятель къ братіи. Самъ арх. Никонъ пишетъ, что „монастырское начальствованіе есть служеніе ближнему *до полного самоотверженія*“¹⁾. Мы бы не сумѣли примирить этого съ „эгоизмомъ спасенія“.

Пастырское попеченіе и о душѣ мірскаго ближняго, служеніе ему до самоотверженія тоже дѣло обычное для монаха. Съ IV стол., т. е. съ самаго начала монашества, можно прослѣдить развитіе учительства монастырскихъ старцевъ среди мірянъ, пастырское душепопеченіе ихъ. Оно выражается въ назидательныхъ бесѣдахъ старцевъ съ мірскими посѣтителями или въ исповѣди ихъ. Со временемъ изъ этой старческой исповѣди мірянъ вырастаетъ на востокъ духовничество монаховъ. Приблизительно около иконоборческой эпохи иноки (какъ общежительные такъ и отшельники) совершенно

¹⁾ Февраль, 349.

завладѣли исповѣдью въ церкви. И бѣлое духовенство во-все не исповѣдывало своихъ пасомыхъ и не совершало таинства покаянія. Это фактъ, твердо засвидѣтельствованный. Вплоть до XII стол. продолжалось такое положеніе дѣла; только въ это время канонисты (главнымъ образомъ Вальсамонъ) выяснили, что и бѣлые священники имѣютъ полное право быть духовниками. Но и въ настоящее время въ Греціи большая часть духовниковъ монахи. Что можетъ означать съ точки зрѣнія арх. Никона этотъ крупный историческій фактъ, повидимому неизвѣстный однако ему, мы не знаемъ. Но нашему читателю онъ долженъ уяснить то, почему русскіе иноки такъ охотно принимали на исповѣдь мірянъ; они подражали въ этомъ православному востоку.

Намъ возразятъ, что и современные монахи охотно принимаютъ мірянъ на исповѣдь, что духовничество, какъ служба міру, извѣстна и теперь нашему монастырю. Да, но во-первыхъ это явленіе уже не имѣетъ оправданія съ точки зрѣнія разбираемыхъ воззрѣній, а во-вторыхъ современное духовничество нашихъ монаховъ и духовничество древнерусскихъ подвижниковъ явленія далеко несхожія. Чаще всего оно ограничивается нынѣ получасовой, а то и 10-ти - минутной встрѣчей съ міряниномъ на исповѣди,—случайная встрѣча двухъ людей, которые были незнакомы до исповѣди и послѣ нея совсѣмъ забудутъ другъ о другѣ. Монастырскій духовникъ работаетъ теперь въ пользу мірянъ только во время говѣній—постовъ преимущественно въ великій постъ. Въ древности на востокъ и у насъ на Руси вѣрующій выбиралъ себѣ извѣстнаго инока (или бѣлаго священника) „во отечество“, тотъ принималъ его и нарекалъ чадомъ духовнымъ. Духовный отецъ былъ несмѣняемъ и вѣрующій своимъ свободнымъ выборомъ связывалъ себя по смерти духовника. Онъ былъ безусловнымъ и неограниченнымъ нравственнымъ руководителемъ духовныхъ дѣтей подобно игумену или старцу въ монастырѣ. На его души лежало—быть имъ вождемъ „въ вышній Іерусалимъ“, открытъ Божіе царство, привести къ престолу Божію и сказать: „се азъ и дѣти, яже ми еси далъ“. Разумѣется, исповѣдь была самымъ важнымъ моментомъ, въ которомъ проявлялось нравственное вліяніе духовнаго отца на дѣтей, но моментомъ далеко не единственнымъ. И вотъ мы видимъ,

что древнерусскіе духовники ходять къ духовнымъ дѣтямъ для бесѣды или призываютъ ихъ къ себѣ, руководятъ ими рѣшительно въ каждомъ шагѣ ихъ религіозно-нравственной жизни, устраивають и дисциплинируютъ семейную и домашнюю жизнь ихъ. А вѣрующіе ничего не предпринимають важнаго безъ совѣта съ духовнымъ отцемъ. И это внѣцерковное учительство духовнаго отца имѣло большое значеніе въ древней Руси. Именно съ званіемъ духовника, а не съ званіемъ приходскаго священника, соединялась у насъ учительная и пастырская обязанность духовенства. Такимъ образомъ, принимая сложныя и отвѣтственныя обязанности духовника, древнерусскій инокъ непременно долженъ былъ жертвовать своими монашескими досугами дѣлу спасенія мірскихъ ближнихъ,—тѣхъ изъ нихъ, которыхъ онъ называлъ „чада, духомъ родимыя“.

Арх. Никонъ смотритъ на *миссіонерство иноковъ*, какъ на исключительное призваніе нѣкоторыхъ изъ нихъ. А между тѣмъ эта форма служенія монашества міру дѣло также обычное, освященное примѣрами многихъ подвижниковъ. Въ своемъ мѣстѣ мы упоминали, что для распространенія христіанства на сѣверѣ Руси монашество несомнѣнно сдѣлало гораздо больше, чѣмъ духовенство. И понятно: переносить всѣ труды апостольства гораздо удобнѣе челоуѣку, не связанному семейн, отрешенному отъ мірскихъ родственныхъ связей, чѣмъ напримѣръ бѣлому священнику. Безъ сомнѣнія арх. Никону извѣстно, что древніе монастыри русскаго сѣвера, какъ Балаамскій, Спасо-Каменскій, Соловецкій и другіе имѣли большое значеніе въ исторіи распространенія христіанства среди окрестныхъ инородцевъ. Изъ монастырей этихъ вышли извѣстные миссіонеры, какъ напримѣръ Феодоритъ и преп. Трифонъ изъ Соловецкаго. Отправляясь на дѣло проповѣди Евангелія, древнерусскіе иноки обычно оставляли тѣ обители, гдѣ подвизались, и шли въ некрещенную страну. Но не забывали они того, что монастыри превосходное подспорье для миссіонерскаго дѣла и нерѣдко въ этихъ видахъ спѣшили строить ихъ среди только что крещеннаго края. Безъ сомнѣнія таково происхожденіе нѣсколькихъ монастырей, построенныхъ св. Стефаномъ въ землѣ зырянъ, или обителей, устроенныхъ Феодоритомъ Кольскимъ и преп. Трифономъ Печенегскимъ. Но всего яснѣе миссіонерское, а

вмѣстѣ и просвѣтительное значеніе монастыря можно видѣть на примѣрѣ св. Гурія Казанскаго. „Однимъ изъ первыхъ дѣйствій Гурія въ своей (только что открытой) епархіи было *основаніе и устройство монастырей съ тою именно цѣлю, чтобы иноки, не отвлекаясь житейскими попеченіями, занимались обращеніемъ невѣрныхъ и обученіемъ дѣтей*. Мысли свои объ этомъ онъ изложилъ предъ государемъ (предъ Грознымъ) и просилъ его дать для содержанія устрояемыхъ обитателей вотчины, дабы старцамъ не было нужды самимъ работать, орать землю и сѣять на ней сѣмена, но „да орютъ сердца людей и да сѣютъ въ нихъ сѣмя слова Божія“. Царю понравилось это намѣреніе и онъ отвѣчалъ святителю. „Благо есть сія рѣчь ваша—*сже старцамъ дѣти обучати и поганые въ вѣру обращати, то есть долгъ всѣхъ васъ*. Туне есть чернецъ ангеломъ подобными именовати: нѣсть бо имъ сравненія, ни подобія никоегоже; а подобитися апостоломъ, ихже Господь нашъ Иисусъ Христосъ посла учити и крестити люди невѣрующіе, и се есть долгъ ваю, учити же младенцы не токмо читати и писати, но читанное право разумѣти и да могутъ и иныя научити“ ¹⁾. И дѣйствительно, древнѣйшіе казанскіе монастыри—Зилянтовъ и Спасо-Преображенскій открывали школы для дѣтей, принимали татаръ для ученія христіанской вѣрѣ и для крещенія. Таковъ же и Свіяжскій Успенскій монастырь, устроенный св. Германомъ. При обращеніи въ христіанство Астраханскаго края московское правительство очевидно воспользовалось мыслью св. Гурія о просвѣтительномъ значеніи монастыря. Подчинивъ себѣ Астраханское царство „правительство наше не сочло нужнымъ немедленно учредить тамъ особую епископскую кафедру, а только послало туда въ 1568 г. игумена Кирилла, чтобы онъ устроилъ въ Астрахани монастырь во имя Пресвятыя Троицы и святителя Николая. Въ 1573 г. въ монастырѣ этомъ было уже три храма и 25 человекъ братіи, кромѣ слугъ и дѣтей, вѣроятно обучавшихся грамотѣ“ ²⁾. Итакъ по мысли св. Гурія Казанскаго монастырь есть превосходное миссіонерское и просвѣтительное учрежденіе. И мы полагаемъ, что мысль св. Гурія имѣетъ значеніе

1) *Превосв. Макарія*, Исторія VI, 342, Ист. р. іер. VI, 528—529.

2) *Превосв. Макарія*, Тамъ же, 344 и 346.

и для нашего времени. Устройство такихъ монастырей—миссіонерскихъ пунктовъ въ Сибири сильно помогло бы дѣлу насажденія христіанства, обрусѣнію инородцевъ, сохраненію ихъ отъ вымиранія леченіемъ отъ повальныхъ болѣзней, помощью во время голодовъ, защитой отъ безсовѣстныхъ эксплуататоровъ; но все это конечно при томъ условіи, если братія предполагаемыхъ монастырей не будетъ раздѣлять одностороннихъ воззрѣній арх. Никона на монашество.

Изъ древней Руси идутъ еще два завѣта современнымъ инокамъ—*завѣтъ печалованія* за осужденныхъ и *завѣтъ обличенія* мірской неправды. Но первый завѣтъ наше монашество будетъ исполнять только въ томъ случаѣ, если проникнется задачами милосердія; второй—обличеніе властей и богачей вмѣсто пресмыкательства предъ властью и богатствомъ—оно исполнить только тогда, когда вспомнить свои забытые уставы и станетъ не тѣмъ, что оно есть, а тѣмъ, чѣмъ должно быть.

Однимъ изъ главнѣйшихъ аргументовъ противъ больничной, школьной и отчасти благотворительной дѣятельности инока служить для арх. Никона *соображенія объ инокескомъ досугѣ*. Время нужно монаху прежде всего для церковной молитвы и никоимъ образомъ невозможно дозволить ему какое-нибудь послабленіе во имя напимѣръ ухода за больными или подобнаго... „подѣля“. Думаемъ, что это положеніе требуютъ большихъ ограниченій.

Въ общежительныхъ монастыряхъ есть должность больничныхъ старцевъ, обязанныхъ ходить за больными иноками. Ихъ мы встрѣчаемъ и въ древнерусскихъ монастыряхъ, напимѣръ въ Печерскомъ и Троице-Сергіевомъ. Безъ сомнѣнія ихъ приходилось освобождать отъ постоянныхъ церковныхъ службъ, когда въ монастырѣ были тяжело больные или умирающіе. Но разъ отъ церковныхъ службъ освобождали больничныхъ старцевъ ради больного инока, то почему же не освобождать ихъ и для больныхъ мірянъ? Преп. Сергіи заповѣдалъ инокамъ ходить за больными бѣдняками и можетъ быть самъ посѣщать больныхъ. Въ книгѣ *самого-же арх. Никона*, „Житіе и подвиги преп. Сергія“ изображенъ подвижникъ посѣщающимъ больныхъ, а въ объясненіи къ рисункамъ сказано: „св. игуменъ ходить

за больными“ ¹⁾. Во Введенской богадѣльнѣ за больными мірянами ухаживали сначала монахи Троицкой обители, а потомъ вѣроятно иноки Пятницкаго Подольнаго монастыря. Неужели преп. Сергію и троицкимъ инокамъ XV—XVI в. не было извѣстно, что время монаху нужно прежде всего для церковной молитвы? Неужели такое простое соображеніе, что нельзя въ одно время быть у постели больного и въ церкви, не приходило имъ на разумъ? Что на это скажетъ арх. Никонъ?—По уставу Василія Великаго должность завѣдующаго сиропитательницей, т. е. надзирателя за дѣтьми, предоставляется иноку. Въ томъ же уставѣ, а также въ монастырѣ преп. Феодора Студита мы встрѣчаемъ инока же „учителя (мірскихъ) дѣтей“. Какимъ образомъ тотъ и другой — надзиратель и учитель совмѣщали педагогію съ иночествомъ, мы не знаемъ. Но какъ-то совмѣщали. — II благотворительность, даже организованная, сложная и многосторонняя возможна въ монастырѣ. Евфросинъ Псковскій съ братіей, этотъ „желѣзный съ желѣзными“, развѣ онъ ограничивалъ благотворительную дѣятельность обители, вводя строжайшій уставъ о церковной молитвѣ? Нисколько. Его монастырь одинаково славился и продолжительными церковными службами и широкой благотворительностью. Такимъ образомъ всѣ соображенія относительно монашескаго не досуга на добрыя дѣла не имѣютъ ни малѣйшей доказательной силы. Всѣ эти ариѳметическія выкладки относительно монашескаго дня, которыя мы встрѣчаемъ въ статьяхъ арх. Никона, а равно и его противниковъ, можно зачеркнуть и бросить. Древнерусскіе подвижники хотѣли творить добро людямъ и находили для этого время. Современные монахи не находятъ для этого времени, потому что изсякла у нихъ самая потребность добротворенія, потому что они... „святые эгоисты“.

Строго созерцательное монашество вовсе не рѣдкость на востокѣ въ древности. Припомнимъ хотя бы исихастовъ Аѳона или знакомаго съ Аѳономъ нашего Нила Сорскаго и его школу. Это была просвѣщенная широко терпимая монашеская партія, съ которой такъ безцеремонно раздѣлялись въ свое время стоявшіе у власти іосифляне. Еслибы за-

¹⁾ Назв. книги, 3-ьяго изд. 136 и 262 стр.

волжцы, какъ партія, просуществовали подольше, несомнѣнно они внесли бы новую струю въ церковную жизнь своего времени. И теперь пусть живетъ на Руси, растетъ и процвѣтаетъ созерцательное монашество, но только не порицая и не отрицая монашества Сергія и Θεодосія.

Теперь посмотримъ, въ какомъ же отношеніи стоятъ идеалы арх. Никона къ ученію бѣлоозерцевъ объ иноческомъ совершенствѣ? Мысли, высказанныя современнымъ полемистомъ, болѣе всего напоминаютъ намъ воззрѣнія Нила Сорскаго. Тотъ же созерцательный идеалъ монашества, тоже исключительное преобладаніе молитвы, хотя не церковной, а „умной“, та же идея полного отреченія отъ міра, сходныя сужденія объ иноческой милостынѣ. Но этимъ и кончается сходство. Арх. Никонъ слѣдуетъ преп. Нилу только до этого пункта. Да и въ указанныхъ сторонахъ сходство болѣе словесное, внѣшнее, чѣмъ внутреннее, существенное. Это ясно мы увидимъ, если всмотримся въ отношеніе истинно-христіанскаго созерцательнаго монашества къ дѣламъ милосердія.

Совмѣстимо ли монашеское созерцаніе съ дѣлами благотворительнаго служенія міру? Мы думаемъ, совмѣстимо. Отношеніе инока-созерцателя къ міру характеризуется обычно двумя главными чертами, которыя у нашихъ древнихъ аскетовъ обозначаются терминами: *безмолвіе*—уединеніе, свобода отъ суеты, происходящей отъ обращенія съ людьми и отъ бесѣдъ съ ними (рѣдко *безпопеченіе* — свобода отъ житейскихъ заботъ), и *безстяжаніе* (чаще *нестяжаніе*) — свобода отъ собственности. Первымъ терминомъ однако очень часто характеризуется состояніе созерцанія вообще, какъ цѣлое частію. „Безмолвіе“ значитъ созерцаніе, „безмолвникъ“ — созерцатель. И вотъ послушаемъ, какъ учитъ о безмолвіи въ отношеніи къ внѣшней благотворительности Исаакъ Сиринъ, великій созерцатель подвижникъ, творенія котораго повлияли и оставили замѣтный слѣдъ на писаніяхъ Нила Сорскаго ¹⁾. „Однажды укорень былъ нѣкій братъ, что не подалъ милостыни; и онъ свободно и смѣло отвѣчалъ укорившему его: „монахамъ не поставлено въ обязанность подавать милостыню“. Но укорившій возразилъ (т. е. ограни-

¹⁾ См. изслѣдованіе проф. А. С. Архангельскаго, Ниль Сорскій и Василій Патрикѣвъ, СПб, 1882, I, 166—169.

чилъ его огульное заявленіе): „Виденъ и явенъ тотъ монахъ, которому не поставлено въ обязанность подавать милостыню. Ибо не поставлено тому, кто съ открытымъ лицомъ можетъ сказать Христу, какъ написано: *се мы оставихомъ вся и зладъ Тебе идехомъ* (Мѡ. XIX, 27) ¹⁾, т. е. кто ничего не имѣетъ на землѣ, не занимается тѣлеснымъ, не помышляетъ ни о чемъ видимомъ, не заботится о какомъ-либо приобрѣтеніи, но если кто и дастъ ему что, беретъ только нужное на потребу, а что сверхъ потребности, ставитъ то ни во что и живетъ какъ птица. *Таковому не поставлено въ обязанность подавать милостыню.* Ибо какъ можетъ давать другому отъ чего свободенъ самъ?“ „*Но кто развлекается дѣлами житейскими, собственными своими руками работаетъ и самъ беретъ у другихъ, тотъ тѣмъ паче обязанъ подавать милостыню. И если не радѣть ему о милостыни, то немилосердіе это есть противленіе Господней заповѣди. Ибо если кто не приближается къ Богу втайнѣ, и не умѣетъ служить ему духомъ, но не заботится о дѣлахъ явныхъ, которыя возможны для него, то какая еще будетъ у такового надежда приобрѣсти себѣ жизнь? Таковой несмысленъ*“. Въ дальнѣйшихъ словахъ св. Псаакъ безмолвіе ставитъ выше милостыни и отрицаетъ, какъ обязанность монаха, физическій трудъ его ²⁾. Изъ этихъ и дальнѣйшихъ словъ св. Исаака видно, что онъ считаетъ свободными отъ благотворительной обязанности только такихъ монаховъ, которые живутъ вдали отъ людей, ничего не имѣютъ, не приобрѣтаютъ собственности своимъ трудомъ и не принимаютъ мірскихъ приношеній, т. е. такихъ монаховъ, которые „живутъ какъ птицы“ и не имѣютъ физической возможности благотворить ближнему. Но наше современное монашество живетъ въ такихъ условіяхъ, что развлекается житейскими дѣлами, приобрѣтаетъ деньги отъ своихъ трудовъ, а еще больше отъ приносовъ. И если арх. Никонъ старается освободить его отъ тѣлеснаго милосердія, чтобы не воспрепятствовать подвигамъ созерцанія, то ясно, что онъ впадаетъ въ то заблужденіе, которое осуждаетъ св. Псаакъ, какъ „немилосердіе и противленіе заповѣди Господней“. Безмолвіе преп. Псаакъ считаетъ высшимъ

¹⁾ Эти слова приводитъ и преп. Нилъ, какъ мы видѣли выше (Б. В. марть, 561).

²⁾ Псааки Сирина, Творенія, слово 14, стр. 62—64.

состояніемъ подвижника, но не отрицаетъ при немъ и общехристіанской обязанности милосердія какъ внутренняго, такъ и внѣшняго. Въ другомъ мѣстѣ твореній ¹⁾ онъ рѣшаетъ такой *вопросъ*: „Почему Господь нашъ для уподобленія нашего величію Отца Небеснаго назначилъ намъ милосердіе, иноки же предпочитаютъ милосердію безмолвіе?“ и даетъ такой *ответъ*: „Входимъ мы въ споръ о милосердіи, но не стараемся обратить оное въ ничто, какъ нѣчто излишнее. *И мы иноки чтимъ безмолвіе, не исключая милосердія, а стараемся, сколько возможно, удалиться отъ попеченія и мятежа*“, стараемся предаваться безмолвію, но не тогда, когда въ насъ есть нужда. „Если же когда на извѣстное время будетъ необходимая какая потребность въ насъ братіямъ, не должно нерадѣть объ оной. Посему будемъ непрестанно поуждаться себя во всякое время *внутренно быть милосердыми ко всякому разумному естеству. Ибо такъ внушаетъ намъ ученіе Господне и въ этомъ, а не въ чемъ-либо пустомъ, состоитъ отличіе нашего безмолвія. И надо не только сохранять это внутреннее наше милосердіе, но когда призываютъ самыя обстоятельства дѣлъ и нужда, не вознерадѣть и о томъ, чтобы доказать любовь свою явно*“. Особенно касается это тѣхъ иноковъ, которые предавали себя безмолвію неполному и временному. Даже и въ періодъ безмолвія они „не удерживаютъ себя отъ дѣлъ милосердія къ ближнему; *развѣ кто крайне нечувствителенъ, жестокъ и безчеловѣченъ и держится безмолвія лицемѣрно и напоказъ. Знаемъ, что безъ любви къ ближнему умъ не можетъ просвѣщаться Божественною бестдою и любовію*“. Формы внѣшняго милосердія инока ко всякому человѣку—мірянинъ онъ или инокъ—ясно указаны въ дальнѣйшихъ словахъ св. отца. „И какой мудрый монахъ, имѣя у себя пищу и одѣяніе и видя ближняго своего *алчущимъ и обнаженнымъ*, не отдастъ ему того, что имѣетъ, но сбережетъ что-либо изъ этого? Или еще кто, видя, что человѣкъ единой съ нимъ плоти *изнуренъ болѣзнію, бдѣствуетъ отъ изнеможенія* и имѣетъ нужду въ призрѣніи, изъ любви къ безмолвію правило затвора предпочтетъ любви къ ближнему?... Если ничего у себя не имѣемъ, не дозволяется намъ ввергать себя въ попеченія и мятежи ради нищихъ, *а если*

¹⁾ Тамъ же, 249—252.

что имѣемъ, требуется отъ насъ это“. Инокѣ — созерцателю не слѣдуетъ оставлять келью свою и мѣсто отшельническаго пребыванія затѣмъ, „чтобы кружиться по міру, посѣщать больныхъ и проводить время въ подобныхъ дѣлахъ“, потому что это было бы переходомъ отъ высшаго къ низшему. „Если же кто живетъ въ обществѣ многихъ и близъ него есть люди, на самомъ мѣстѣ пребыванія его съ ними, и трудами другихъ упокоивается во время здоровья или болѣзни; то и самъ обязанъ дѣлать тоже, а не выставлять на видъ ложнаго своего безмолвія, такъ чтобы самому вовремя требовать себѣ отъ другихъ успокоенія, но какъ скоро увидитъ въ тѣсныхъ обстоятельствахъ сына плоти своей, носящаго на себѣ одинъ съ нимъ образъ, лучше же сказать, увидитъ поверженнаго и страждущаго Христа,—удаляться и скрыватья отъ него. Всякій таковой не милосердъ“. Эти слова опять таки прямо относятся къ нашему современному монашеству, которое, живя рядомъ съ міромъ и на его счетъ, отказывается само служить ему. Слова эти опровергають арх. Никона, который старается оправдать этотъ ненормальный порядокъ съ точки зрѣнія созерцательнаго монашества. Далѣе у святого отца идетъ опроверженіе той аргументаціи, которую пускали въ ходъ эти ложные безмолвники, несмысленные и немилосердые. „И не приводи мнѣ на память Іоанна Фиваидскаго и Арсенія, не говори: „кто же изъ нихъ употребляетъ себя на подобныя дѣла или прилагалъ попеченіе о больныхъ и нищихъ, не радѣлъ же о своемъ безмолвіи“? Тебѣ и не приблизиться къ какимъ-либо дѣламъ таковыхъ мужей. Ибо если далека ты отъ всякаго упокоенія и сообщенія съ людьми, какъ далеки были они, то Господь и тебѣ повелѣваетъ пренебрегать подобными дѣлами. Если же далека ты отъ онаго совершенства и во всякое время пребываешь въ тѣлесныхъ трудахъ и въ общеніи съ другими людьми, то почему не радишь о заповѣдяхъ, которыя должно хранить тебѣ по мѣрѣ силъ своихъ, представляя предлогъ, что проводишь житіе великихъ святыхъ, къ которому ты и не приближался“? Архимандритъ же Никонъ именно и ссылается на примѣръ Арсенія Великаго... Но преп. Псаакъ приводитъ въ примѣръ двухъ великихъ отшельниковъ—Макарія Великаго и Агафона, ухаживавшихъ за больными.

Сужденія преп. Псаака въ коня подрываютъ домыслы арх.

Никона и его сторонниковъ противъ иноческаго служенія міру и лишаютъ ихъ возможности опираться на созерцательный идеалъ православнаго монашества. Арх. Никонъ называетъ путь осуществленія своего идеала „эгоизмомъ спасенія“, Исаакъ Сиринъ полагаетъ этотъ путь въ милосердіи внутреннемъ и внѣшнемъ; а то, что нашъ полемистъ зоветъ „святымъ эгоизмомъ“, святой подвижникъ именуетъ несмыслиемъ и немилосердіемъ. Св. Исаакъ даже высшаго созерцателя обязываетъ питать голоднаго и лечить больного, если обстоятельства требуютъ того; арх. Никонъ даже рядового инока освобождаетъ отъ этихъ дѣлъ христіанскаго милосердія. Далѣе: идеаломъ, къ которому приближаются только исключительные подвижники и среди подвижниковъ великихъ, арх. Никонъ оправдываетъ свободу отъ внѣшняго добродѣланія инока вообще и современнаго нашего монашества въ частности; онъ ссылается и на примѣръ Арсенія Великаго, которому Господь сказалъ: „*Арсеній! бѣгай отъ людей и спасешься*“¹⁾. Но Исаакъ Сиринъ какъ разъ осуждаетъ такую аргументацію—ссылаться на великій примѣръ Арсенія, до котораго конечно не дошло наше монашество въ своемъ большинствѣ. Одинъ изъ сторонниковъ арх. Никона заявлялъ: „*идеалъ важнѣе всего*“. Это правда. Но нельзя, приглашая челоувѣка взойти на верхнюю ступень лѣстницы, запретить ему вступать на посредствующія. (Мы разсуждаемъ здѣсь съ точки зрѣнія созерцательнаго монашества). Будетъ ложью сказать, что эти среднія ступени ведутъ внизъ отъ идеала, тогда какъ онѣ ведутъ вверхъ, къ высшей цѣли, къ самому идеалу и никоимъ образомъ не могутъ быть обойдены. Вынимая изъ лѣстницы эти среднія ступени, мы лишили бы возможности дойти и до верху, приблизиться къ идеалу, загородили бы прямой къ нему путь людямъ, ищущимъ пути спасенія. Какъ извѣстно, споръ поднялся о современномъ русскомъ монашествѣ въ цѣломъ, которое не осуществляетъ общехристіанской обязанности милосердія и далеко даже отъ приблизительнаго выполненія устава. Люди, сочувствующіе этому учрежденію, изъ желанія поднять его нравственно указали ему ближайшую

¹⁾ Достоп. сказанія, рус. пер., изд. 4. СПб. 1871, стр. 17 ср. Душепол. Чт., октябрь, 207.

ступень — милосердіе въ разныхъ его проявленіяхъ—единственно надежный путь приблизиться къ идеалу. Мы раньше видѣли, что своимъ призывомъ они только повторили завѣтъ древнерусскаго дѣятельнаго монашества нашему современному, теперь же ясно, что не разошлись они и съ истиннымъ созерцательнымъ монашествомъ, которое предполагаетъ милосердіе, какъ путь къ идеалу и любовь къ ближнему, какъ средство „просвѣщенія ума Божественною бесѣдою и любовію“. А на нихъ закричали: „вы принижаете идеаль, подмѣниваете на западно-католическій, забываете, что идеаль всего важнѣе“. Чего же хотятъ эти люди? Чтобы инокъ сталъ совершенствомъ, а монашество хорошимъ, не исполнивъ дѣломъ заповѣдей Господа? Это значить, по нашему мнѣнію, что идеаль ихъ безжизненный, отвлеченный, *искаженный идеаль созерцательнаго монашества*, который можетъ вести своихъ послѣдователей только внизъ, а не вверхъ; по выраженію св. Исаака *онъ служитъ только предлогомъ къ нерадѣнію о заповѣдяхъ Господа*.

Теперь обращаемся къ древнѣйшимъ русскимъ безмолвникамъ. „Пустыннолюбцы и пустынножителі“, удалявшіеся „единствовать безъ всякаго человѣка“, уходили только отъ мятежа мірскаго, а не отъ исполненія заповѣди о любви къ ближнимъ. Немного было такихъ отшельниковъ и безмолвниковъ у насъ въ древней Руси, какъ Павелъ Обнорскій, а между тѣмъ своему монастырю въ уставѣ онъ предписываетъ благотворительность. Другой ученикъ преп. Сергія, удалявшійся временно безмолвствовать, имя котораго носитъ почтенный о. архимандритъ, преп. Никонъ Радонежскій въ предсмертномъ поученіи своемъ много говорилъ о „безмолвіи, матери добродѣтели“, а потомъ „о челоуѣколюбіи слово приложи“ и далъ заповѣдь нищелюбія. Вообще безмолвники или созерцатели древней Руси не считали уединеніе инока полнымъ освобожденіемъ его отъ обязанностей служить мірскимъ ближнимъ.

Вторая черта отношеній созерцательнаго монашества къ міру—*нестыжательность*. Вопросъ о нестыжательности былъ предметомъ горячихъ споровъ въ эпоху борьбы іосифлянъ съ бѣлоозерцами; разное его рѣшеніе являлось одной изъ главнѣйшихъ „нелюбокъ“, создавшихъ вражду партій (о монашеской же благотворительности упоминалось только въ

связи съ этимъ кореннымъ вопросомъ). Дѣло здѣсь шло не о личной собственности монаховъ: для людей, давшихъ обѣтъ нищеты, ее нельзя оправдать ни съ какой точки зрѣнія—ни съ практической, ни съ созерцательной. „Монахи не должны имѣть ничего собственнаго, но все имъ принадлежитъ да утверждается за монастыремъ“ — такъ гласить для всѣхъ обязательное 6 правило Двукратнаго собора, отрицающее частную собственность инока. И по уставу Василия Великаго въ монастырѣ должно быть общеніе имуществъ, какое было въ первенствующей церкви, когда ни одинъ же что отъ имѣній своихъ глаголаше свое быти (Дѣян. IV, 32). Монахъ, помышляющій имѣть частную собственность, по мысли святого отца, второй Иуда, который „начавъ кражею—ибо личная собственность есть кража—оканчиваетъ предательствомъ“, „замышляетъ хищеніе—потому что приобрести въ собственность что бы то ни было и откуда бы ни было есть хищеніе—а потомъ отступленіе и отдѣленіе“ ¹⁾. И бѣлоозерцы и іосифляне строго держались этого основного правила. Они оставались на высотѣ идеала индивидуальной нестяжательности иноковъ. Но церковные уставы и монастырю въ цѣломъ не разрѣшаютъ безграничнаго стяжанія. „Да не скопишь золота въ монастырѣ твоемъ, но избытокъ всякаго вида да раздаешь нуждающимся въ воротахъ двора твоего, какъ дѣлали святые отцы“—такъ пишетъ преп. Феодоръ Студитъ въ своемъ „Завѣщаніи игумену“. Правило отрицаетъ позволительность накапливать въ монастырѣ избытокъ всякаго вида и предписываетъ раздавать нищимъ то, что остается отъ удовлетворенія самыхъ скромныхъ иноческихъ потребностей. Вотъ ясныя и безспорныя требованія иноческой хриstopодобной нищеты. И въ сущности лучшіе монастыри и лучшіе люди обѣихъ партій исполняли это требованіе устава, только каждая партія по своему. Іосифляне считали дозволительнымъ монастырю скоплять богатства „избытки всякаго вида“, но почему и зачѣмъ? а потому и зачѣмъ, чтобы быть ему крупнымъ благотворителемъ народа. И подвижники этой партіи: самъ Іосифъ, его учитель Пафнутіи, Корнилій, Давидъ, какъ это мы и видѣли, строго и точно

¹⁾ Краткихъ правилъ вопр. 85 (V т., 225). Подвижническіе уставы гл. 34 (V т., 424).

выполнили свой идеалъ, свои обѣщанія. Они не ждали, пока церковная власть потребуеть у нихъ деньги на благотворительное дѣло (повидимому единственное условіе, при которомъ по мнѣнію арх. Никона монастырь можетъ уступать свои стяжанія на дѣла благотворительности), но сами расходовали свои средства иногда до послѣдней крохи по собственной инициативѣ, не за страхъ, а за совѣсть. Случалось даже, что и правительство въ помощи народу шло за ними! Другое дѣло бѣлоозерцы. Они дѣйствительно хотѣли избѣжать всякаго виѣшняго добродѣланія, всякой тѣлесной милостыни. Но вмѣстѣ съ этимъ они требовали, чтобы самыя скиты ихъ были бѣдны и ничего не имѣли, кромѣ необходимаго для поддержанія жизни. И ихъ нельзя не признать правыми: не имѣя излишковъ, что бы могли они раздавать нищимъ? Но и при всей своей бѣдности бѣлоозерскіе подвижники находили возможную благотворительность въ простѣйшей ея формѣ—въ видѣ страннолюбія. Дѣло понятное. Нельзя быть бѣднымъ настолько, чтобы не повстрѣчать когда-нибудь еще бѣднѣйшаго, а истинное, идеальное христіанское совершенство отрицаетъ, чтобы у одного было больше, а у другого меньше.

Послушаемъ теперь, какъ судить-рядить объ этомъ арх. Никонѣ, стоитъ ли онъ на высотѣ возвѣщеннаго имъ идеала. Какъ смотритъ о. архимандритъ на частную собственность монаховъ, на степень дозволенныхъ для инока удобствъ жизни, на братскую собственность монастырей? Прямо на эти вопросы арх. Никонъ не отвѣчаетъ, но для выясненія относящихся сюда возрѣвній почтеннаго публициста есть достаточно косвенныхъ данныхъ въ его статьяхъ. По вопросу *о частной собственности монаховъ* арх. Никонъ откровенно высказался въ своемъ разсказѣ объ одномъ рѣдкомъ случаѣ—объ отреченіи неизвѣстнаго монаха отъ причитающихся ему братскихъ доходовъ. „Инокъ получилъ несчастную кружку, ту кружку, за которую такъ нерѣдко укоряютъ современныхъ монаховъ—необщезитниковъ. И вся то она за четыре мѣсяца *какихъ-нибудь* 20—25 р. Получилъ онъ, добродушно даже поворчалъ, что „мало нынѣ досталось“, и пошелъ къ мощамъ угодника Божія. (Связь настроеній признаваться непонятная). Тамъ онъ опукаетъ ее въ монастырскую кружку—на свѣчку преподобному, и низко—до праха

земного кланяется ему, угоднику Божію, и смиренно говоритъ про себя: „прости мнѣ, угодниче Христовъ, что взялъ я эти деньги... Не стою я того, чтобы жить подъ кровомъ твоимъ... Твоя отъ твоихъ тебѣ припошу... Не стою я того, чтобы ѣсть хлѣбъ твой... Помолись о мнѣ грѣшномъ“. Картина трогательная. Смиреніе этого инока безусловно цѣнно и его отношеніе къ собственности, судя почеловѣчески, высоко. Но посмотримъ на этотъ случай съ точки зрѣнія идеально монашеской, какъ это угодно и арх. Никону, и картина мѣняется. Вѣдь съ этой точки зрѣнія растрогавшіи насъ монахъ исполнилъ только свою прямую обязанность. Ставить отказъ монаха отъ братскихъ доходовъ выше дѣлъ христіанскаго милосердія и всякаго служенія міру, какъ дѣлаетъ это почтенный о. архимандритъ, значитъ явно преувеличивать ¹⁾. Этотъ монахъ „сталъ выше того инока который перепрыгнулъ черезъ золото — во всякомъ случаѣ ему не принадлежавшее—въ пустынь“ ²⁾. „Онъ отъ своего отрекся!“ восклицаетъ въ восхищеніи арх. Никонъ. Но позвольте: отъ своего онъ отрекся еще въ то время, когда стоялъ предъ святыми дверями и произносилъ иноческій обѣтъ нищеты. У монаха нѣтъ своего. Златоустъ говоритъ, что въ монастырѣ „никто не жалуется на бѣдность, никто не превозносится богатствомъ; это твое, а это мое,—такое раздѣленіе, низвращающее и смущающее всѣ дѣла, изгнано отсюда; все у нихъ общее: и трапеза, и жилище, и одежда. Одно тамъ у всѣхъ богатство—истинное богатство“... ³⁾. Подвигъ иноческой нестяжательности арх. Никонъ ставитъ превыше дѣлъ христіанскаго милосердія и всякаго служенія міру, а между тѣмъ, это элементарное требованіе монашескаго устава, непремѣнная черта иноческаго идеала. Въ Глушицкомъ монастырѣ послѣ смерти одного монаха нашли въ его кельѣ десять ногатъ (менѣе 5 рублей) и преп. Діонисій лишилъ стяжателя христіанскаго погребенія. Идеальный

1) „И вѣруемъ мы, грѣшные его собратья, что онъ—куда выше всѣхъ насъ, творящихъ милостыню явѣ, строящихъ храмы и школы, издающихъ милліоны листовъ (!), жертвующихъ на больницы и богадѣльни“... Февраль. 339—340.

2) Другой разсказъ, приводимый арх. Никонемъ изъ житія Феодора Едесскаго, октябрь, 209.

3) *Твор. Іоанна Златоуста*, I, 97, „Слово къ вѣрующему отцу“.

монахъ не долженъ даже видѣть денегъ и знать имъ цѣну, какъ это и разсказывается объ одномъ египетскомъ подвижникѣ. Монахъ богатый такое же неестественное явленіе, какъ женатый монахъ, а болѣющий іудинимъ грѣхомъ все равно, что многосемейный! Василій Великій частную собственность монаха называетъ *хищеніемъ и кражей*, а арх. Никонъ удивляется, что такъ часто укоряють современныхъ монаховъ необщежитниковъ за несчастную кружку! Онъ пишетъ, что на обладаніе частнымъ имуществомъ монахи „*имѣють право*“ „*по законамъ современнымъ, человѣческимъ*“ ¹⁾. Такъ вотъ гдѣ для него оправданіе частной собственности монаха—современные человѣческіе законы! Съ заоблачной выси идеала о. архимандритъ вдругъ „прыгнулъ“ на самое дно неприглядной монастырской дѣйствительности. Да, тотъ скромный инокъ только исполнилъ требованіе устава. Монахи же, получающіе деньги лично „по законамъ человѣческимъ“, всѣ нарушаютъ свой уставъ и свои обѣты. Это не личная вина ихъ, а *общій безпорядокъ*, при которомъ и хорошіе люди вынуждены поступать нехорошо, не по правиламъ. „Грѣшны мы (иноки), много среди насъ грѣшниковъ“, вздыхаетъ не разъ арх. Никонъ ²⁾. Но не въ личныхъ монашескихъ грѣхахъ здѣсь дѣло (безъ нихъ обойтись невозможно), а въ общемъ небреженіи уставомъ, въ безпорядкѣ, при которомъ инокъ, только выполнившій уставъ, является рѣдкимъ исключеніемъ, умиляющимъ о. архимандрита, заносится въ число избранныхъ Божіихъ, „*сокровенно обрѣтающихся въ нашихъ обителяхъ*“.

По мнѣнію о. архимандрита Никона, монахъ прежде всего

¹⁾ Февраль, 340. „Вѣдь онъ перескочилъ черезъ золото, а мы подбираемъ его (?); и онъ, и мы одинаково имѣемъ на то право по существующимъ законамъ современнымъ, законамъ человѣческимъ“... „Онъ дѣйствовалъ по *духу* истинныхъ монаховъ (а не по *уставу*?!), а мы—по буквѣ современныхъ узаконеній“.

²⁾ Февраль, 341; октябрь, 194: „Съ болью сердца надо сознаться... особенно *въ послѣдніе годы* въ монастыряхъ... развивается пьянство“. Оно „развивается“, если хотите знать, съ XI в. въ русскихъ обителяхъ! (См. правяло митр. Іоанна П). Откровенно - правдивое слово о современномъ монастырскомъ монашествѣ читатель найдетъ въ *Странникѣ*, 1903 г., мартъ, въ Обзорѣ журналовъ (482—490). Замѣтка имѣетъ въ виду полемику о монашествѣ, вызвавшую и эти страницы, и содержитъ немало вѣскихъ замѣчаній о статьяхъ арх. Никона.

долженъ быть занятъ молитвой, потомъ необходимымъ подѣлемъ для *удовлетворенія* своихъ *тѣлесныхъ* нуждъ. Оставшееся отъ этихъ занятій время онъ могъ бы употреблять на дѣла благотворительности, но его не остается: оно уже все истрачено на дѣло и на подѣлье.

„Вѣдь (иноки) не ангелы, увѣряетъ своего читателя почтенный о. архимандритъ въ статьѣ, гдѣ говоритъ *исключительно* *объ идеалѣ иноческаго*,—имъ надобно и пишу приготовить себѣ (очевидно частнымъ образомъ?), и одежду и печи топить, не вездѣ вѣдь духовое отопленіе — и дровецъ запасти и келійку прибрать, не говоря уже о монастырскихъ: понамарь (пономарю?) церковь привести въ порядокъ и подмести ежедневно, келарь (келарю?) распорядиться обѣдомъ (вѣроятно братскимъ, общимъ?)“. Таковы житейскія занятія идеальнаго инока по арх. Никону. Если мы правильно понимаемъ, идеальный инокъ о. архимандрита прежде всего долженъ кушать два обѣда: тотъ, который приготовить онъ самъ въ своей кельѣ, и тотъ, который подадутъ ему въ монастырской трапезѣ... Кромѣ того у его идеальнаго инока рядъ заботъ объ одеждѣ и жилищѣ. Но сравнимъ древнерусскіе монашескіе идеалы въ этомъ пунктѣ. Вотъ заботы нашего древняго подвижника о пищѣ: „бѣ ему кормля *хлѣбъ и соль* и питіе *вода едина*, и сіе въ мѣру“. Припомнимъ и слова Златоуста объ идеальномъ монахѣ: „Питіе ему вездѣ доставляютъ въ изобиліи озера и рѣки и источники, а пища для него—овощи, травы и во многихъ мѣстахъ хлѣбы“ ¹⁾. Подвижниковъ почитали въ древней Руси „не честныхъ ради портъ“ и настоящій инокъ не заботился объ одеждѣ. „Самъ же ризную худость толику любя, яко единъ отъ убогихъ сый, едину одежду нося на себѣ и зимѣ и лѣтѣ; и отъ овчихъ жестокихъ кожъ зимѣ студень терпяше, а лѣтѣ отъ тягости терпя“. Занимая часто мѣсто игумена въ монастырѣ, древнерусскій подвижникъ одѣвается какъ послѣдній служка,—„сирота“, за котораго со стороны его и принимаютъ. Его „многочвенная“, „сиротинская“ одежда вызываетъ насмѣшки мірянъ, а иногда и братіи. Когда она сваливалась съ плечъ подвижника и выбрасывалась за ограду монастыря, ни одинъ нищій не хотѣлъ поднять и надѣвать её. Житія, насколько

¹⁾ *Теор. Иоанна Златоуста*, I, 64, „Слово къ невѣрующему отцу“.

знаемъ, не упоминають объ особенныхъ заботахъ подвижниковъ о своихъ жилищахъ, напротивъ повѣствуютъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ жили даже въ дуплахъ деревьевъ... „Вѣдь иноки не ангелы“, говоритъ арх. Никонъ. О подвижникахъ же, объ инокахъ идеальныхъ, какъ разъ говорится „земные ангелы, небесные челоувѣцы“. „Всего скудота, всего недостатка“ — вотъ какое отношеніе къ заботамъ личнаго обихода, къ „подѣлю“, завѣщали современному монашеству древніе отцы, „въ постныхъ подвижѣхъ просіявшіе“. И еслибы иноки нашего времени построже относились къ этому идеалу, то навѣрное остался бы у нихъ досугъ и для богачѣльни, и для больницы, и для школы.

Обратимся теперь къ вопросу о *собственности монастырей*. Мысль оппонентовъ арх. Никона—инока С. П. Вей и архим. Евдокима, какъ и у древне-русскихъ полемистовъ по этому вопросу, непроизвольно движется отъ благотворительности къ средствамъ монастырей, отъ монастырскихъ имуществъ къ ихъ расходованію на дѣла благотворительности. Рѣчь арх. Никона вообще недостаточно сдержанная, начинается бурлить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ отвѣчаетъ своимъ оппонентамъ по вопросу о стяжательности нашихъ монастырей. О. П. И-къ имѣлъ неосторожность написать, что современные наши „монастыри богаты“. Эти слова выводятъ изъ терпѣнія арх. Никона и онъ готовъ заподозрить бѣднаго петербургскаго инока даже въ посягательствѣ на церковное имущество. „Такъ вотъ въ чемъ дѣло. „Монастыри богаты“. Они должны отдавать свои богатства на дѣла благотворенія. Давно бы такъ и сказали. „Такъ вѣдайте же, восклицаетъ не безъ замѣтнаго волненія о. архимандритъ, такъ вѣдайте же и вы, отецъ инокъ, и ваши единомышленники, г.г. Чермаки, Черкасскіе и К^о, что мы готовы отдать всѣ свои капиталы, только отдать не вамъ (какъ будто объ этомъ была рѣчь. ¹⁾).

На той же самой страницѣ арх. Никонъ „дважды подчеркнулъ“, что все говоренное имъ, имѣетъ отношеніе къ идеалу монашества, а дальше прибавилъ, что „идеалъ надобно прояснять въ сознаніи тѣхъ, кто долженъ къ нему стремиться“... Да простить же намъ о. архимандритъ, если

1) Январь, 118—119.

не соглашаясь съ нимъ въ первомъ, мы воспользуемся его приглашеніемъ во второмъ.

Своими словами: „вы, напр., о. инокъ П. И-ъ точно знаетъ, у какого монастыря какой капиталъ“, арх. Никонъ даетъ понять, что монастыри не такъ богаты, какъ о нихъ думаютъ. Безспорно, много есть бѣдныхъ монастырей на Руси, но много и богатыхъ. Вѣдь не подъ шапкой же невидимкой находятся современные иноки, вѣдь не слѣпые же люди живутъ рядомъ съ нашими монастырями!.. Помірски судя богатства монастырей можетъ быть и не такъ значительны. Стоя же на идеальной точкѣ зрѣнія, нельзя не видѣть, что на потребности братіи, если ихъ понимать помонашески, хватитъ и останется; вѣдь и теперь хватаетъ и остается, хотя потребности монаха и понимаются помірски. И вотъ *эти то остатки монастыри обязаны расходовать на дѣла благотворенія*, ибо сказано: „церковное богатство—нищихъ богатство“. Освободить себя отъ благотворительности наши монастыри могутъ только тогда, когда станутъ нестяжательными, какъ скиты древняго заволжья, а до того времени они обязаны слѣдовать приведенному правилу Феодора Студита, какъ слѣдовало ему древне-русское монашество, которое выставило цѣлый сонмъ прендобныхъ, стяжавшихъ „пзрядное нищелюбіе и страннолюбіе Авраамова“. Можетъ быть читатель подумаетъ, что святые благотворители, о которыхъ далеко знали въ свое время кругомъ, были только богатые и тароватые люди? Нѣтъ, нисколько. Они „нищетою богатые“: „нищетный образъ... худостны порты“; „богатство же его, говорится о преп. Никонѣ Радонежскомъ, еже ничтоже стяжати“ ¹⁾. Сами подвижники жили въ послѣднемъ нестяжаніи и крайней нищетѣ и являлись только распорядителями монастырскихъ припасовъ и суммъ, чтобы безъ расчета и разбора расточать ихъ на дѣла благотворительности къ неудовольствію экономныхъ келарей, скупыхъ казначеевъ и неизмѣнно ропщущей братіи.

Проповѣдуя нестяжательность монастыря, Нилъ Сорскій не допускалъ даже драгоценной церковной утвари въ монастырскихъ храмахъ. Онъ пишетъ въ своемъ Преданіи: „О украшеніи же церковномъ пишетъ св. Іоаннъ Златоустъ:

¹⁾ *Житіе преп. Никона*, изд. М. 1646 г., л. 188.

„аще кто совѣщаетъ, хотя принести сосуды священныя серебряны или иконное украшеніе, повели ему раздати нищимъ. Никто же бо, рече, осужденъ бысть когда, о еже церкви не украшати, но и прочіи святіи тако глаголють“. Преподобная же мученица Евгенія и принесенныя ей сосуды священныя серебряны не пріять, глаголющи: инокомъ не подобаеъ сребра стяжанія имѣти. Того ради *и намъ сосуды златы и серебряны и самыя священныя не подобаеъ имѣти, такожде и прочая украшенія излишняя, но точію потребная церкви приносити*“. Изъ житія преп. Пахомія далѣе приводится соотвѣтствующее подтвержденіе. Таково воззрѣніе истинныхъ созерцателей на украшеніе монастырскихъ храмовъ ¹⁾.

Арх. Евдокимъ жалѣеть, что не видитъ кругомъ бѣдныхъ монастырскихъ храмовъ, подобныхъ тѣмъ, въ которыхъ молились древніе подвижники. Арх. Никонъ удивленъ. „Неужели вы сѣтуете, что въ обителяхъ нашихъ церкви *не убогія?*“ ²⁾ Признаемся, мы не понимаемъ удивленія арх. Никона. Митрополитъ Филаретъ въ нашей лаврѣ говорилъ однажды: „Прости мнѣ великая лавра Сергіева, мысль моя съ особеннымъ желаніемъ устремляется въ древнюю пустыню Сергіеву... Кто покажетъ мнѣ малый деревянный храмъ, на которомъ въ первый разъ наречено здѣсь имя Пресвятой Троицы? Вошелъ бы я въ него на всюнощное бдѣніе, когда въ немъ съ трескомъ и дымомъ горящая лучина свѣтитъ чтенію и пѣнію, но сердца молящихся горять тише и яснѣе свѣчи и пламень ихъ достигаетъ до неба“ ³⁾? Митр. Филаретъ здѣсь несомнѣнно сѣтовалъ; храмы лавры напоминали ему о забвеніи ею иноческой нищеты. Любопытно, что приведенныя слова покойнаго митрополита самъ арх. Никонъ приводитъ и съ умиленіемъ въ своей книгѣ „Жи-

1) *Нила Сорскаго* преданіе ученикомъ своимъ. М. 1849 г. стр. 17—19. Подобныхъ воззрѣній на церковное украшеніе держался и ученикъ преп. Нила Вассіанъ Патрикѣевъ (Правосл. Собес. 1863 г., Ш, 197 и 209).—Извѣстно преданіе, что когда Грозный собирался строить въ Сорской обители каменный храмъ вмѣсто деревяннаго, преп. Нилъ явился ему во снѣ и запретилъ нарушать правило иноческой нищеты.

2) Февраль, 341.

3) Слово на освященіе храма надъ мощами преп. Михея, 27 Сент. 1842 года.

тіе и подвиги преп. Сергія“¹⁾). Развѣ не тоже самое хотѣль сказать и арх. Евдокимъ? И откуда это происходитъ: скажетъ митр. Филаретъ—мы умиляемся, повторить арх. Евдокимъ—мы споримъ?...

Отъ монастырской собственности прямой и естественный переходъ къ способамъ ея приобрѣтенія. Г. Кругловъ разсуждаетъ, что занятіе въ больницѣ или школѣ—дѣло гораздо болѣе совмѣстимое съ иночествомъ, чѣмъ сидѣніе въ книжной лавкѣ или завѣдываніе монастырскими гостинницами. По мнѣнію арх. Никона лавка и гостинница вполне совмѣстимы съ созерцательными идеалами иночества: онѣ не мѣшаютъ иноку справно ходить къ службамъ; а „лавки въ хорошихъ обителяхъ даже закрываются на время богослуженія“²⁾). Больница, богадѣльня, школа—вотъ что мѣшаетъ молитвенному подвигу инока. Въ доказательство этого парадоксальнаго сужденія „какъ сладко ни пиши“, а едвали удастся убѣдить когонибудь. Иной читатель не найдетъ, что возразить противъ логики, но никакіе софизмы не заглушатъ внутренняго чувства истины. Не входя въ обсужденіе частныхъ, обратимся къ идеалу—вѣдь онъ „важнѣе всего“. Оба публициста не договорили здѣсь по нашему мнѣнію одного: *дозволительна ли еще монастырю самая торговля?* Нѣтъ, не позволительна. Торговлю монастыря Василій Великій ставитъ на ряду [съ бродяжничествомъ и корчемствомъ (—мелкая торговля по принципу: „не обманешь, не продашь“) и предписываетъ общежительнымъ монастырямъ всѣми мѣрами избѣгать ее. „Надобно знать, говоритъ онъ въ Пространныхъ Правилахъ (вопр. 44), что *братства должны всѣми мѣрами избѣгать бродяжничества, торговли и прибыли, добываемой корчемствомъ*“³⁾). Обитатели, закрывающія свои лавки на время богослуженія, арх. Никонъ называетъ хорошими (слѣдовательно другія, своихъ лавокъ на это время не закрывающія, относить къ разряду нехорошихъ?!), а по уставу св. Василія Великаго всѣ монастыри и навсегда должны закрыть свои лавки, что-

1) 108—109 стр.

2) Октябрь. 203.

3) *Мigne, P. Gr.* XXXI, 1032: „*Ἐκείνο μέντοι εἶδέναι χρὴ, ὅτι τὰς περιθρομίαις, καὶ πραγματείαις, καὶ τὰ καλλιχὰ, κέρδι, παντὶ τρόπῳ φεικτόν ταις ἀδελφότησι*“; рус. пер. V, 175.

бы быть настоящими христіанскими обителями. Если же по настоящему времени это невозможно (впрочемъ отчего же?), то слѣдуетъ измѣнить самый способъ торговли, сдѣлавъ ее торговлей безъ малѣйшей прибыли. „Здѣсь мѣсто пустынско, а не купеческо“, „монастырь постникъ, а не купецъ“, такъ разсуждали древнерусскіе иноки и созерцатели и дѣятели. „Не продавати ти никому, говоритися въ древнемъ поученіи частному иноку. А торговли ти ни съ кѣмъ не дѣяти, ни продавати, ни купити, ни у брата что взимати, ни ему давати“¹⁾. Ясно, что монахи древней Руси тверже помнили уставъ св. Василія, чѣмъ современные. Беремъ примѣръ. При воротахъ монастыря идетъ бойкая торговля иконами и крестами, поясами и четками, кустарными произведеніями, вродѣ деревянныхъ ложекъ и проч. и проч. Картина знакомая! Многое изъ того, что здѣсь продается, сработано не въ монастырѣ, а скуплено у кустарей или выписано съ фабрикъ и продается съ барышемъ. *Съ точки зрѣнія устава Василія Великаго это корчемство.* Другой примѣръ, примѣръ продажи монастыремъ уже своихъ фабрикатовъ косвенно упоминается въ статьяхъ самого арх. Никона и единственно потому мы его касаемся²⁾. Частный инокъ или монастырь занимается книгоиздательствомъ: въ своей типографіи при помощи наемныхъ рабочихъ печатаетъ сотни тысячъ книжекъ религіозно-нравственнаго содержанія, по дешевой цѣнѣ продаетъ ихъ. Читаетъ книжки и назидается православный русскій народъ. Почтенное дѣло, заслуживающе похвалы! Вѣдь такъ? Несомнѣнно такъ, если судить помѣрски, съ утилитарной точки зрѣнія. Но приложимъ къ нему идеальную точку зрѣнія, на которой стоитъ... не арх. Никонъ, а законодатель христіанскаго монашества. При продажѣ книжекъ или листовъ получается прибыль, ничтожная, скажемъ,—десятая часть полупенни съ экземпляра; но въ результатѣ у монастыря или инока тысячи, десятки тысячъ барыша. *И это тоже корчемство, скверноприбыточество.* Напрасно, забывъ хриstopодрожательное смиреніе, похвалился бы книгоиздатель-инокъ этой формой своего служенія міру. Получая барышъ, онъ нарушаетъ одно изъ основныхъ требованій монашескаго устава, зани-

¹⁾ *Матеріалы для ист. р. церкви.* II. 166.

²⁾ Февраль, 343.

мается самъ и вовлекаетъ монастырь въ не монашеское дѣло. Будучи „въ прелести“, онъ готовъ видѣть въ своемъ служеніи міру благодатное призваніе. Но что же такое мы получаемъ: благодатный призывъ... къ нарушенію устава?— но это нѣчто невозможное; а можетъ быть-нарушеніе устава подъ предлогомъ благодатнаго призванія 1)?

Примѣръ книгоиздательства полезнаго для народа стоитъ у арх. Никона въ подозрительной близости съ упоминаніемъ о служеніи міру о. Амвросія Оптинскаго, какъ примѣры однородные. Но это явленія несравнимыя. Что сказали бы объ о. Амвросіи, еслибы онъ, допустимъ, бралъ по копѣйкѣ за совѣтъ?.. А съ другой стороны и книгоиздательство было бы дѣломъ безусловно почтеннымъ, ни малѣйшаго возраженія не вызывающимъ, еслибы оно не было связано съ барышемъ, еслибы напримѣръ монастырь даромъ раздавалъ свои книжки богомольцамъ въ видѣ жертвы, или, не дѣлая книжную торговлю статьей дохода, велъ бы дѣло такъ, чтобы вырученныя суммы только оправдывали расходы.

Мы кончили оцѣнку идеаловъ арх. Никона съ точки зрѣнія идеаловъ древнерусскаго подвижничества, которое слѣдовало восточному. Къ какому же направленію мы должны отнести его? къ коренному ли русскому монашеству, дѣятельно служившему міру, или къ созерцательному, въ теоріи отказавшемуся отъ этого служенія? Вполнѣ—ни къ тому ни къ другому, отчасти — къ тому и къ другому. Взгляды арх. Никона представляютъ своеобразное соединеніе элементовъ обоихъ направленій. Съ первымъ его роднитъ признаніе за монастыремъ права накапливать богатства, признаніе, расширенное допущеніемъ частной собственности для монаховъ и торговыхъ предпріятій для монастырей. Со вторымъ онъ согласенъ въ оцѣнкѣ внѣшней благодѣлитель-

---

1) Правда, египетскіе и другіе подвижники продавали на торгу произведенія своихъ трудовъ, которыми они наполняли свои досуги.—корзины, циновки и проч... Но на своей торговлѣ они не наживали капиталовъ, въ работѣ не помогали имъ электрической или бензиновый двигатель, а также и наемные руки. Корзины, сплетенныя своими руками, они продавали только затѣмъ, чтобы имѣть насущное пропитаніе и не беззаконять мірскихъ людей своимъ попрошайствомъ. Василій Вел. вполнѣ дозволяетъ и только регулируетъ торговлю этого рода (Правилье страннѣхъ, вopr. 39, Твор. V, 166).

ности и въ признаніи молитвы единственной задачей инока. Другими словами: *достопочтенному о. архимандриту* было бы желательно сохранить за собой все права на обладаніе внѣшними благами міра и освободиться отъ всякихъ внѣшнихъ обязательствъ по отношенію къ нему. Онъ сильно опасается, какъ бы міръ не сталъ „просто такъ эксплуатировать самое монашество въ свою пользу“; но обратнаго повидимому онъ нисколько не боится.

Прибавимъ нѣсколько замѣчаній по частнымъ пунктамъ полемики.

Не отрицая фактовъ, что многіе подвижники и разными способами служили міру, арх. Никонъ признаетъ однако, что эта дѣятельность ихъ не была сознательной задачей ихъ жизни. Монахъ постригается съ единственною сознательною цѣлью спасать собственную душу. И изъ монаха въ концѣ концовъ выходитъ не то, чѣмъ онъ хотѣлъ быть, а то, къ чему приводитъ его Высшая Десница „ими же вѣсть судьбами“: одинъ неожиданно становится прославленнымъ старцемъ, какъ Амвросій Оптинскій, другой . . . издателемъ Троицкихъ Листковъ. Отсюда выводъ: „не выходи инокъ „самочинно и самозванно“ на путь общественной дѣятельности ¹⁾“. Едва ли однако вѣрна эта мысль, будто въ судьбѣ инока сверхъестественное вмѣшательство вытѣсняетъ его личныя намѣренія—плодъ природныхъ дарованій и обстоятельствъ жизни. Преп. Сергій, добросердый отъ рожденія, подъ влияніемъ прочитанныхъ имъ житій подвижниковъ, стремится подражать ихъ подвигамъ челоуѣколюбія, и онъ становится нищелюбцемъ. Св. Стефанъ Пермскій на родинѣ въ полузырянскомъ Устюгѣ насмотрѣлся на язычниковъ инородцевъ, пришелъ къ мысли о просвѣщеніи своего края проповѣдью евангелія и сталъ апостоломъ зырянъ. Инокъ съ пронизательнымъ природнымъ умомъ дѣлается прославленнымъ на всю Русь старцемъ; монахъ, надѣленный коммерческою сметкой,—извѣстнымъ книгоиздателемъ. Благодать Божія несомнѣнно пользуется естественными силами и склонностями, собственными стремленіями и планами инока. Примѣры, приведенныя арх. Никономъ нисколько не убѣдительны. Студентъ академіи, принимающій иноческій санъ, чтобы быть потомъ

¹⁾ Февраль, 343—349.

архіереемъ, явленіе крайне отталкивающее. Но почему? Потому, что онъ лицемѣритъ утверждая, что ищетъ исключительно трудовъ пастырства, а не выгоды, съ которыми въ настоящее время связано епископское служеніе. Когда же оно представляло одни труды, лишенія и опасности и не имѣло выгоды, тогда и оцѣнка явленія была другая. „Кто епископства желаетъ, добраго дѣла желаетъ“, говоритъ апостоль. Но представьте другого студента, постригающагося съ сознательной цѣлью стать миссіонеромъ, не тѣмъ обезпеченнымъ и спокойно проповѣдающимъ христіанство подъ покровомъ русскаго посольства и можетъ быть дессанта матросовъ, а миссіонеромъ, одиноко проникающимъ въ пустыни, чья жизнь полна опасностей и лишеній. Едва ли у кого повернется языкъ назвать этого человѣка „лицемѣромъ, а не инокомъ“. Вѣдь и то было бы не хорошо, еслибы монахъ, принимая иночество возмечталъ быть впоследствии знаменитымъ молитвенникомъ, святымъ и богоугоднымъ. И монахъ долженъ постригаться лишь съ цѣлью *трудиться* для достиженія этого идеала.

Но допустимъ правильность сужденій арх. Никона. Однако изъ нихъ совсѣмъ нельзя дѣлать выводовъ противъ общественной дѣятельности монашества. Мы говорили о служеніи міру не каждаго монаха въ отдѣльности, а цѣлыхъ монастырей. Пусть монахъ постригается только затѣмъ, чтобы спасти свою душу, не отдавая себѣ отчета, какимъ именно путемъ. Но пусть тѣ, кому онъ вручаетъ свою волю, взвѣсятъ, къ чему онъ способенъ и какой путь спасенія для него прямѣе. Пусть монастырское начальство образуетъ изъ наличнаго состава братіи группу иноковъ, задачей которыхъ служила бы благотворительность монастыря, какъ оно выдѣляетъ группу лицъ для завѣдыванія его хозяйствомъ. Г. Кругловъ говоритъ объ общественной дѣятельности монаховъ именно какъ о налагаемомъ на нихъ отъ монастыря особомъ послушаніи. Вѣдь никто же не идетъ въ монастырь съ цѣлью сдѣлаться его экономомъ или казначеемъ, однако эти послушанія предписаны уставомъ. Еслибы монастыри по собственному почину или хотя бы даже по предписанію власти, но разумѣется не свѣтской, а духовной, поставили для себя цѣлью миссіонерство, уходъ за больными или воспитаніе дѣтей, то не было бы ничего дурного и въ томъ,

еслибы въ нихъ шли люди и съ сознательною пѣлью потрудиться на этихъ поприщахъ.

Должно быть чувствуя слабость своей позиціи, арх. Никонъ усиленно ищетъ союзниковъ и совершенно „неожиданнымъ союзникомъ“ провозглашаетъ извѣстнаго публициста В. В. Розанова, сотрудника „Новаго Времени“ и „Новаго Пути“. Признаемся, союзъ неожиданный во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего, здѣсь есть непослѣдовательность со стороны арх. Никона, который самъ черезчуръ строго порицалъ публицистовъ-инокъ за союзъ съ мірскими. „Остерегитесь, взывалъ онъ къ Православному иноку, напечатанному въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ статью о монашествѣ; остерегитесь, вы уже заляпались около гг. Чермаковъ“. Арх. Евдокиму онъ выговариваетъ даже за то, что его мнѣнія нашли откликъ и сочувствіе въ упомянутомъ изданіи, что „собрать“ арх. Никона—„инокъ нашель себѣ союзниковъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ, газетѣ „явно враждебной церкви“. Порицая подобныя газеты, строгій о. архимандритъ не пропустилъ и Новаго Времени; съ однимъ и тѣмъ же презрительнымъ негодованіемъ отзывался, какъ о толстовцахъ, такъ и о „господахъ нововременцахъ“¹⁾. Такъ разсуждалъ арх. Никонъ въ январѣ и февралѣ текущаго года. Въ мартѣ же торжественно возвѣщаетъ о своемъ неожиданномъ союзѣ съ однимъ нововременцемъ, помѣстившемъ въ этой газетѣ фельетонъ о созерцательномъ монашествѣ²⁾. В. В. Розановъ получилъ въ арх. Никонѣ горячаго поклонника. „Извѣстный своею оригинальностью мыслитель“, „простое русское сердце, еще чуткое къ воспріятію вѣяній исконно-народныхъ началъ, какими жива наша родная Русь“; фельетонъ г. Розанова „прекрасныя строки, которыя недавно вылились у него“ и т. д., — вотъ какихъ лестныхъ отзывовъ удостоиваетъ своего союзника почтенный о. архимандритъ. Но этотъ союзъ неожиданъ для насъ и съ другой стороны. Ужъ не говоримъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ г. Розанова, въ корнѣ подрывающихъ и аскетизмъ и монашество, но и въ самомъ фельетонѣ, умлившемъ

1) Январь. 120.

2) Новое Время, 1903 г. январь, 21 и 22.

арх. Никона, читаются „прекрасныя строки“, которыя онъ едва ли раздѣляетъ. Г. Розановъ видитъ въ монашествѣ „такое же прекрасное и народное явленіе, какъ русскіе духовные стихи, какъ наши *пословицы и сказки*“. Неужели съ марта мѣсяца и арх. Никонъ держится такихъ же воззрѣній? Раньше онъ думалъ иначе. Арх. Никонъ имѣетъ въ виду монашество, т. е. аскетизмъ, какъ *оффициальное учрежденіе* церкви. В. В. Розановъ пишетъ слѣдующія „золотыя слова“ по выраженію его союзника: „аскетизмъ прекрасенъ, но не *оффициальный*, не *должностной* (т. е. не монашество?), а какъ личное біографическое явленіе, дѣломудренно скромное и непритязательное“. Довольно этихъ параллелей. Теперь скажите читатель, если это союзъ, то что же называется войной?

Ссылается арх. Никонъ на *сочувственныя письма*, которыя онъ получаетъ во множествѣ. Что же этимъ доказывается? Сочувственныя письма по нынѣшнимъ временамъ получаютъ всѣ. Получаетъ ихъ безъ сомнѣнія и г. Розановъ, приравнивающей монашество къ сказкамъ, почему жъ не получать ихъ и его „неожиданному союзнику“ арх. Никону? Сочувственныя письма отъ мірянъ и отъ иноковъ получаютъ и литературные противники арх. Никона по вопросу о монашествѣ, только не кричатъ объ этомъ, хорошо понимая, что это обстоятельство ровно ничего не доказываетъ при рѣшеніи спорнаго вопроса.

Арх. Никонъ жалуется на тѣ *нападки*, которымъ мірскіе, нецерковные люди подвергаютъ монаховъ, упрекая ихъ въ дармоѣдствѣ и прочемъ. Не хотимъ оправдывать этихъ нападокъ, но желаемъ напомнить, что въ нихъ сильно виновато само монашество. На монаховъ міряне нападаютъ также давно, какъ міръ узналъ о монашествѣ. Но древніе подвижники виноватыми въ этомъ признавали главнымъ образомъ свою братію, монаховъ. „И тѣ, которые должны уважать насъ, пишетъ преп. Нилъ Синайскій, смотрятъ на насъ, какъ на бездѣльную толпу. Люди чиновные и разночинцы смѣются надъ нами больше, чѣмъ надъ толкущимися на рынкахъ, потому что не имѣемъ, какъ слѣдовало бы, никакого отличія передъ прочими, хотимъ быть извѣстными не по жизни, а по одеждѣ. Отъ трудовъ для добродѣтели отказываемся, а славы за оныя желаемъ съ неистовствомъ, показывая въ

себѣ одну тѣнь прежней истины“¹⁾. „Жизнь монашествующихъ, прежде вождѣленная и весьма знаменитая, нынѣ, какъ видишь, возбуждаетъ отвращеніе“,—такъ писалъ преп. Нилъ какому-то архимандриту Никону. „Всѣ города и селенія обременяются *лжемонахами*... Ради нихъ разсужденіе и образъ жизни живущихъ право и добродѣтельно почитаются нынѣ обманомъ и насмѣшкою. И найдется ли теперь какой новый Іеремія, который могъ бы исполнѣть и какъ должно оплакать наше положеніе? Стыжусь писать, что-либо больше сего“²⁾.

И мы кончили свой разборъ. Предъ читателемъ раскрыты и разобраны два взгляда на монашество, которыя высказаны въ полемикѣ. Здравый смыслъ и христіанское настроеніе помогли г. Круглову почти въ точности угадать тѣ формы, въ какихъ выражалась у христіанскихъ подвижниковъ и должно выражаться у современныхъ иноковъ служеніе міру. Арх. Никонъ мыслить совершенно вопреки преданіямъ древнерусскаго монашества, которое слѣдовало восточному. Онъ даетъ знать своему читателю, что его воззрѣнія покоятся на *трехъ неизблемыхъ основаніяхъ*: на святоотеческомъ ученіи, на исторіи церкви, на свѣтлыхъ мечтахъ православнаго русскаго народа. Но въ своихъ статьяхъ онъ почти не ссылается на церковные каноны о монашествѣ, на уставы Пахомія и Василія. Святоотеческой (точнѣе подвижнической литературы) пользуется онъ односторонне, выбирая только то, что по вкусу, и обходя остальное. Исторія церкви... Но арх. Никонъ, какъ это видѣлъ самъ читатель, не принимаетъ въ расчетъ всю исторію древнерусскаго монашества, включая сюда и исторію своей обители! Свѣтлыя мечты народа, говоря проще, народный идеаль монашества... Но народный идеаль создается многовѣковой исторіей, а вовсе не досужей фантазіей публициста. *Идеаль святости*, создавшійся у нашего народа,—*Никола Угодникъ*, котораго чтить православная Русь за нищелюбіе и милосердіе. Всѣмъ извѣстна народная сказка о свв. Николаѣ и Касьянѣ Римлянинѣ. Николай Чудотворецъ помогъ бѣдному мужику строгнуть засѣвший въ грязи возъ, а Касьянъ прошелъ мимо—

¹⁾ *Нилъ Синайскій*, Твор. II, 9. Слово подвижническое.

²⁾ *Письмо арх. Никону*. Писемъ Кн. III, 106. Твор. ч. III, 268.

„не захотѣлъ райское платье мартъ“... За это Господь положилъ: Николѣ пѣть молебны дважды въ годъ, а Касьяну одинъ разъ въ четыре года.

Въ ошибкахъ арх. Никона есть еще одно и интересное, и поучительное обстоятельство.

Имя преп. Сергія Радонежскаго близко и дорого каждому русскому. Это самый идеальный изъ подвижниковъ нашей древности. „Такіе люди становятся для грядущихъ поколѣній не просто великими покойниками, а вѣчными спутниками, даже путеводителями и цѣлые вѣка благоговѣнно твердятъ ихъ дорогія имена не столько для того, чтобы благодарно почтить ихъ память, сколько для того, чтобы самимъ не забыть правила или завѣщаннаго. Таково имя преп. Сергія: это не только назидательная, отрадная страница нашей исторіи, но и свѣтлая черта нашего нравственнаго народнаго содержанія“ ¹⁾. Можно ли не согласиться съ этими словами? Правило, завѣщанное преп. Сергіемъ, дорого и близко всякому русскому, инокъ ли онъ или простой мірянинъ. А между тѣмъ изъ современныхъ сужденій о монашествѣ мы видимъ нѣчто обратное и нѣчто неожиданное. Преп. Сергій *даетъ заповѣдь служебнымъ чинамъ* своего монастыря: благотворить нищимъ, врачевать больныхъ, покоемъ странныхъ, обѣщая за это процвѣтаніе своей обители. А теперь заявляютъ печатно и крайне рѣзко, что *эти самые подвиги вовсе и не обязательны для монаха, что* они только „подѣлье“—междудѣлье, а въ иныхъ случаяхъ и прямая помѣха настоящему иноческому дѣланію. Говоритъ же такъ не простой мірянинъ, а современный намъ инокъ. Мало того—инокъ обители преп. Сергія Радонежскаго. Но и этого мало: служебный монастырскій чинъ, къ которому непосредственно и прямо относится заповѣдь челоуѣколюбія, данная преподобнымъ, который долженъ бы былъ и „житіе и дѣяніе“ великаго угодника „написать на сердцѣ своемъ“. Своими руками, по непреложной заповѣди величайшаго русскаго святого, онъ долженъ бы раздавать „спасеную милостыню“ братіѣ Христовой у воротъ монастыря. Онъ обязанъ участвовать въ завѣдываніи школами, богадѣльнями и больницами, которыми вмѣсто монастырскихъ гостинницъ, лавокъ

¹⁾ Проф. В. О. Ключевскій, Рѣчь. Бог. Вѣст. 1892, ноябрь 192.

и торговыхъ рядовъ должна бы окружить себя великая лавра. А нашъ „служебный чинъ“ говоритъ объ излишествѣ, чуть не о вредѣ всего этого для монаха.

Недоумѣваемъ, какъ могли явиться *критика и отрицаніе того, что предписалъ и заповѣдалъ преп. Сергія*? Можетъ быть здѣсь грѣхъ невѣдѣнія: нашъ инокъ не зналъ даннаго факта изъ житія святого? Нѣтъ, этого быть не можетъ. Онъ самъ нѣкогда писалъ и выпустилъ тремя изданіями популярное житіе этого угодника ¹⁾. Можетъ быть, зная и твердо помня заповѣдь подвижника, арх. Никонъ не считаетъ обязательнымъ относиться къ ея содержанію безъ всякаго „мнѣнія“ или безъ критики. Но и этого быть не можетъ. Онъ самъ рассуждаетъ: „отъ того и плохи иноки, что самовольно отступаютъ отъ своихъ завѣтовъ и уставовъ. Въ сихъ завѣтахъ и преданіяхъ православнаго иночества кроется та великая благодатная сила, которая воспитывала“ и т. д., и т. д.; или, принимая тонъ наставника, онъ внушаетъ о Евдокиму: „нѣтъ о. архимандритъ, надо крѣпче держаться преданій отеческихъ особенно въ наше льстивое время, когда врагъ всеми мѣрами и т. д., и т. д.“ ²⁾. Стало быть и это объясненіе не годится. Какъ бы то ни было, но мы видимъ въ данномъ случаѣ чрезвычайно легкое отношеніе къ прямой заповѣди основателя монастыря со стороны его инока, отношеніе совсѣмъ не монашеское. „Заповѣдь заключаетъ въ себѣ обязательную силу“. Сила ея равна „догматическимъ постановленіямъ“ и изреченіямъ отцовъ, сказанныхъ въ видѣ опредѣленій ³⁾. Время не имѣетъ ни малѣйшей силы надъ этой заповѣдью. Дана ли она вчера или слишкомъ 500 лѣтъ тому назадъ, это безразлично: „заповѣдь заключаетъ въ себѣ обязательную силу“ на все времена, пока стоитъ получившій ее монастырь, пока онъ носитъ великое имя святого основателя, „пока не затворятся ворота лавры

1) *Житіе и подвиги преп. Сергія, игумена Радонежскаго*, изд. 3-ье Серг. Лавр. 1898. Заповѣдь преп. Сергія излагается здѣсь на стр. 136, впрочемъ неполно и недостаточно точно: „А нищіе и странники и болящіе подолгу въ ней отдыхали, пользуясь полнымъ довольствомъ и покоемъ по заповѣди старца“.

2) Октябрь 205; февраль 351.

3) *Варсануфія и Іоанна*, Руковод. къ дух. жизни. Вопр. 248, и 249, стр. 249—250.

преп. Сергія и не погаснутъ лампы надъ его гробницей“. Но зачѣмъ же послѣ всего того обращаются они къ угоднику, повторяя трогательныя слова древней молитвы: „Не мнѣмъ бо ты суща мертва, аще и тѣломъ преставися отъ насъ, но и по смерти убо живъ пребываеши“? Зачѣмъ такъ молятся они устами своими? Умеръ для нихъ преп. Сергіи; забыты его преданія; сомнѣнію, критикъ подвергнуто содержаніе его великой заповѣди. Лучше какъ можно усердіе пусть твердятъ они дальнѣйшія слова молитвы: „Но не отступи отъ насъ духомъ; сохраняй насъ отъ стрѣлъ вражнихъ и всякія прелести бѣсовскія и козней дьявольскихъ“.

„Не отступи отъ насъ духомъ!“

Въ заключеніи приведемъ два безобидныхъ назиданія арх. Никону. Первое принадлежитъ ему самому. „Нѣтъ, о. архимандритъ, поучаль онъ о. Евдокима, надо крѣпче держаться преданій отеческихъ, особенно въ наше льстивое время, когда врагъ всѣми мѣрами“ и т. д., и т. д. Второе назиданіе пусть благоволитъ онъ выслушать отъ митрополита Филарета. *„Житіе монашеское должно быть благоустроено на неизблемомъ основаніи слова Божія, при пособіи наставленій и примѣровъ святыхъ отецъ: ибо только на семъ основаніи зданіе духовной жизни и спасенія воздвигается прочно и благонадежно; а что строится на пескъ помысловъ и желаній человеческихъ, то не твердо и угрожаетъ паденіемъ великимъ“*¹⁾.

С. Смирновъ.

---

¹⁾ Митр. Филарета, Правила благоустройства монашескихъ братствъ въ Москвѣ, § 1.